

Давным-давно

Автор:

[Марина Леванова](#)

Давным-давно

Марина Леванова

Давным-давно... #13 звезда Рунета

Вы познакомитесь с очень необычной Академией: в ней юные студиозы дерутся на шестах, вампир учится на факультете врачевания и целительства, а правая рука главы прячет истинный облик во тьме под капюшоном. Но самое главное – вы прикоснётесь к удивительной жизни Джим. История о нелегкой судьбе хрупкой девушки, которую по иронии судьбы считают юношей. Книга о дружбе и любви, о терпении и самопожертвовании, о том, каким долгим и извилистым может быть путь к гармонии и исполнению желаний. Будет ли она счастлива и любима? Порой кажется, что нет. Найдёт ли свой путь? Неизвестно. И найдут ли ее?

Мария Леванова

Давным-давно

Пролог

Еще одно сказание о далеких предках...

Давным-давно, до начала времен, когда все земли были Едиными, жил на земле очень древний народ с особенной культурой и богатой многовековой историей,

называвший себя Первородными. Бессмертные Боги, зародившие жизнь, уходя с этой земли после великого льда, щедро одарили своих потомков. Одним из таких даров была способность иметь две сущности и с легкостью превращаться по собственному желанию в любую из них. Другим даром была свобода выбора – пойти дорогой Света или Тьмы.

Никто сейчас уже и не вспомнил бы, как наступил момент, когда брат поднял руку на брата, сын предал отца, мать отвернулась от своего ребенка... Время великого раскола, время печали, срединного периода. Тогда ушли и Свет и Тьма. Гонимые, отвергнутые, ненавидящие друг друга и самих себя, дети великой Тьмы были забыты, прокляты и никому не нужны. И проклятие это, тяготевшее над народом в течение многих веков, привело к тому, что Единые земли разделила великая стена на Темную и Светлую Империи.

«Книга Теней». Пророчество Бессмертных. 1 и 2 Глава.

Надо помнить, что в каждой сказке всегда присутствует то самое «но», которое однажды непременно позволит разрушить злой рок или снять вековое проклятие.

1

Если в твоих руках сокровище, не оставляй его без присмотра ни на мгновение!

На горной возвышенности красовался замок: каменные стены окружены рвом, а вокруг до самого горизонта раскинулись девственные леса. Его серый природный камень совершенно не выделялся на фоне скал, сливался с ними, становился их частью, будто крепость рукотворная внутри природной. Внутренний двор замка был украшен извилистыми дорожками и небольшим фонтаном. Буйно цвели горные эдельвейсы. Здесь давно уже отсутствовали хозяева, хотя челядь оставалась на местах и исправно выполняла свои обязанности. Но сегодня в замке как никогда многолюдно и суетливо.

Раннее утро. Мужчина открыл дверь, поддерживая ее лишь ногой, обвел внимательным взором двор и осторожно протиснулся сквозь узкий проем. В

руках он держал сверток. Прихрамывая направился к фонтану, крепче прижимая к груди драгоценную ношу. Остановился возле пустой детской кровати, потянул носом, удовлетворенно кивнул, наклонился и бережно положил в нее спящего ребенка. Замер, не в силах оторвать своего взгляда от безмятежного выражения на лице младенца. Протянул руку и ласково пригладил солнечные локоны на его голове, вздрогнув, когда ребенок вдруг неожиданно распахнул глаза цвета свежей весенней зелени. Такой знакомый пыливый взгляд... Ребенок внимательно изучил незнакомца и вдруг растянул беззубый рот в улыбке. У мужчины перехватило дыхание. На смуглом, испещренном шрамами лице непроизвольно расцвела ответная улыбка.

– Я оставлю тебя совсем ненадолго, – наклонился он и поцеловал пухлую щечку ребенка. Заливистый детский смех разлился по двору звонкой трелью.

Девушка, спешащая мимо в этот момент, остановилась на месте как вкопанная и, удивленно посмотрев в их сторону, улыбнулась и приветливо помахала рукой. Мужчина вежливо кивнул ей и перевел взгляд на младенца, прислушиваясь к окружающим звукам и внимательно осматривая местность вокруг.

Младенец тем временем принялся с серьезным видом изучать свои конечности. Подтянул ногу, опустил, внимательно изучил другую. Поднял к глазам кулак правой руки и с блаженным видом затолкал его целиком в рот. У мужчины от удивления непроизвольно поползли вверх брови. Стряхнув навалившееся оцепенение, заставил себя отвернуться от ребенка и размашистым шагом направился к дому.

«Ничего страшного, это всего лишь на несколько минут, я скоро вернусь и больше уже не выпущу тебя из своих рук».

Илиодор Деф'Олдман так и не смог сосредоточиться. Не понял ни единого слова из препирательств между доверенным лицом его брата и немногочисленными присутствующими родственниками невестки. Не услышал ни единого слова из длинного списка зачитанного завещания. Равнодушно прослушал перечень имущества, наследуемого дальними родственниками и людьми, которые при жизни были дороги брату. В мозгу пульсировала единственная мысль: «Почему я?» Непосильная ноша, обязанность, так нежданно свалившаяся на его плечи последней предсмертной волей скоропостижно скончавшегося брата-близнеца. Брата, однажды ушедшего из дома, исчезнувшего на двадцать долгих лет. Брата, который даже не удосужился сообщить своим близким и родным о том,

что живет в чужой стране, построил замок, завел семью и ребенка, даже начал вести оседлый образ жизни. Ах да – он еще за это время успел и умереть. Невольно скривив рот в грустной усмешке, поднял голову и обвел тяжелым взглядом присутствующих, на мгновение задержался на лице седой старушки, казалось, безучастно сидящей у окна напротив. Но, в отличие от него, женщина внимательно прислушивалась к каждому слову, произнесенному доверенным лицом его брата.

Илиодор отвел взгляд, опустил голову и принялся дальше изучать собственные руки. Нет, он-то всегда знал, что брат жив, до того самого момента, пока однажды ночью не смог проснуться, самостоятельно вырваться из кошмара, навеянного одной из самых черных ночей в его жизни. Он метался в холодном поту в постели собственной спальни и выкрикивал имя брата. В ту ночь на вопли к дверям его комнаты сбежалась вся прислуга, находящаяся в доме, во главе с местным кузнецом. Когда все же удалось выломать крепкие дубовые двери, Илиодор открыл глаза и, все еще находясь в состоянии между сном и бодрствованием, выдал обеспокоенным родителям, что Исидора больше нет на этом свете. Мистическая, почти ментальная связь между близнецами так просто никогда сама по себе не разрывалась, если, конечно, одна из сторон по собственному желанию не рвала ее с помощью специального ритуала. «Что же случилось? Что или кто заставил тебя отказаться на целых двадцать лет от своей семьи, от друзей, от прежней жизни? И как случилось, что самое ценное тебе оказалось некому доверить, кроме меня?»

Илиодор обвел усталым взглядом присутствующих, кивнул, делая вид, будто бы слышал все то, что только что было сказано, и снова погрузился в свои нелегкие мысли: «Да кто все эти люди? Если бы не ребенок, ноги бы моей здесь не было сегодня! Кстати, о ребенке...» Он невольно улыбнулся. Ничего больше в этой жизни он не мог бы так сильно желать, как этот щедрый подарок, дар, как благословение, неожиданно примилившее его со всеми прошлыми обидами на своего близнеца. Что же заставило брата сделать опекуном своего единственного ребенка человека, которого он не только не видел так долго, но даже избегал в последнее время? Нет, он точно не заслужил этого.

Сомнение закрадывалось в душу. Как же он сможет принести это дитя к своим сородичам? Что он скажет своей семье? Так повелось, что испокон веков их род не смешивал свою кровь с представителями других существующих рас, и тем более с темными. Он с интересом посмотрел на пожилую женщину возле окна. Она подалась немного вперед и внимательно вслушивалась в монотонное чтение

огромного перечня имущества со стороны матери ребенка, лишь иногда едва заметно кивая. Ее величественная осанка, благородные черты лица, волосы цвета пепла, едва тронутые у висков сединой, и неправдоподобно светлые зеленые глаза на смуглом лице – все явно указывало на то, что перед Илиодором ярко выраженная представительница темных эльфов из благородных фамилий. Мужчина посмотрел на окно. Он бы многое отдал, чтобы знать, как жил его брат в последнее время, чем занимался, что делал, почему пришел именно сюда, а самое главное – почему связал свою жизнь с темной эльфийкой, как решился оставить после себя потомство.

Илиодору пришло письмо, где ему предлагалось срочно явиться на провозглашение завещания. Наследником имущества ныне покойного Исидора Деф'Олдмана указывался именно он, Илиодор Деф'Олдман, как ближайший и единственный родственник. Родители были категорически против его поездки на другой континент. Они ведь еще не знали, что у них появилась внучка. «Стоп. А как я смогу принести этого ребенка к ним в дом? Что скажу матери и отцу? – Илиодор нахмурился. – Нет, они поймут, зов крови сильнее всего. Дитя собственного сына – часть их наследия, тем более ребенок совершенно не похож на своих родственников по материнской линии. Но не понятно, что довлеет над ним, Свет или Тьма? Дитя как будто окутано шлейфом непроницаемости. – Мужчина обеспокоенно заерзал в кресле. – Да, но что скажут старейшины? Для них нет тайны. Они могут видеть будущее». Он прислушался к монотонному голосу, снова посмотрел на пожилую даму. Вздогнул, встретившись с ее холодным изучающим взглядом. Значит, он ничего им пока не скажет! И если придется, то тоже уйдет из дома, разрывая все прежние связи и узы со своим кланом. Родители поймут, друзья простят, а кто отвернется – значит, так тому и быть. Илиодор отвел взгляд и резко поднялся с кресла.

– Не возражаете, если мы отложим до завтрашнего дня обсуждение оставшихся вопросов? – заявил он тоном, не терпящим никаких возражений, и стремительно вышел из комнаты. Проскочил мимо опешившей толпы прислуги, свернул в нужный коридор. Подлетел к двери, дернул на себя огромную створку... и замер. Во дворе было необычно тихо, даже птиц не слышно. Илиодор окинул тревожным взглядом двор и перевел взгляд на детскую кроватку. Прищурился, еще раз внимательно огляделся, втянул воздух и хищно осклабился. Не может быть. Он осторожно двинулся в сторону фонтана, не отводя пристального и беспокойного взгляда от ближайших к нему деревьев, боясь хотя бы на секунду потерять контроль над собой, чтобы не сорваться и не побежать. Сердце сдавило в предчувствии непоправимой беды. «Только не это, пожалуйста, только не сейчас», – шептали губы, а взгляд прочесывал округу. Нервы не выдержали,

Илиодор сорвался на бег. За считанные секунды покрыл расстояние между домом и фонтаном. Он уже знал, он чувствовал, бросая взгляд на кровать. Она была пуста.

Налетел ниоткуда взявшийся ветер, растрепал непослушные волосы, вырвал из колыбели белый лист бумаги, порывом поднимая его вверх и унося прочь. Едва заметное движение в сторону – и вот Илиодор уже держит послание в руках. Предчувствие сжимало сердце стальными тисками. Он медленно поднес помятый клочок бумаги к глазам и прочитал: «Этот ребенок нашего племени, а значит, будет воспитан в соответствии с законами Темной Империи, дабы пополнить ряды славных Сынов Ночи и приумножить их подвиги».

Мужчина пошатнулся, провел рукой по взмокшему лбу и застонал. Впервые в жизни он молился, горячо прося всех известных и неизвестных ему богов лишь об одном: чтобы те, кто забрал сейчас это невинное дитя, не причинили ему вреда. Но, судя по слабому запаху похитителей, шансов у девочки было немного. Сыны Ночи или, как их называли по-другому, Воины Тьмы не нуждались в дочерях. Этот обширный закрытый клан, ставший легендой, подвиги и деяния которого были воспеты в веках, являлся пределом мечтаний его брата с самых малых лет. Женщины у них всегда были только человеческие, а потомство ценилось от них соответствующее – лишь сыновья, значит, ребенку осталось жить считанные минуты. Илиодор снова оглядел двор, даже не стараясь приглушить красные всполохи в глазах, и медленно начал раздеваться, неспешно продвигаясь к ближайшим деревьям. Спешить ему было некуда: у него вся жизнь впереди, чтобы найти и покарать тех, кто оказался сегодня здесь. А в том, что они будут обнаружены, он нисколько не сомневался. На землю упала рубашка, и на нем остались лишь брюки. Он зашел за деревья и резко остановился, когда услышал голос позади себя.

– Вижу, я пришла слишком поздно. – Он дернулся и впился огненным взглядом в лицо незнакомки. Ее глаза были закрыты, по щекам текли слезы, а руки судорожно прижимали детское покрывало к груди. – Я чувствую твою боль, но у тебя нет никаких шансов, человек.

Мгновение – и вот уже мужчина вцепился мертвой хваткой в костлявое плечо женщины.

– Кто ты? – Илиодор вздрогнул от звука собственного голоса, понимая, что трансформация уже затронула связки.

Женщина не испугалась, лишь замерла от неожиданности, медленно открыла глаза и подняла их на Илиодора. Выражения на ее лице стремительно сменялись одно другим: сначала удивление, затем испуг, а потом и вовсе застывшая маска суеверного ужаса.

– Исидор?! – Женщина забилась в его руках, а когда он лишь слегка ослабил хватку, вырвалась и шарахнулась в сторону, как от приведения. – Этого просто не может быть! – Она присмотрелась к нему более внимательно. – Нет, ты не он! В тебе я вижу Свет, – только и смогла она обреченно выдохнуть.

– Да, я не он, – как можно спокойнее проговорил мужчина и отвернулся от нее, жадно втягивая ноздрями воздух.

Вокруг до сих пор витал запах незнакомцев, побывавших здесь. Он никуда не спешил. Он знал, что будет теперь всегда помнить, как пахнет враг. Его снова что-то отвлекло. Женщина обошла его и попыталась заглянуть в лицо.

– Кто ты? – отворачиваясь и стараясь не встречаться взглядом с незнакомкой, повторил свой вопрос Илиодор, все больше раздражаясь.

– Мое имя тебе ничего не даст. – Она вся вдруг как-то подобралась, в голосе появился металл, а ее взгляд с любопытством блуждал по профилю мужчины. – Значит, братец. – Женщина произнесла эти слова, словно выплюнув. – Молчишь? Стало быть, правда!

Мужчина, никак не отреагировав на ее тон, все так же стоял к ней спиной и шумно дышал.

– Зачем тебе мое имя? Ему оно нужно не было. – Она пристально вглядывалась в спину незнакомца, а потом, как будто что-то решив для себя, тихо заговорила: – Я заменила когда-то мать моей бедной девочке Лисинде. Лисинде, которую собственный отец выбросил из семьи, как ненужный мусор, с легкостью отдав в вечное служение Темной Богине. – Женщина безумно рассмеялась. – А твой брат не оставил ей даже этой малости – остаться со своей семьей хотя бы таким способом.

Пожилая дама всхлипнула и продолжила:

– Более того, девочка бежала с ним накануне принятия сана юной жрицы, не переписав свое наследство в пользу монастыря, а потом еще умудрилась и полюбить этого нелюдя. – При этих словах Илиодор посмотрел на женщину. Взгляд ее горел безумием. – Она отказалась вернуться домой, понимаешь, сама отказалась, когда мы все же смогли напасть на их след и разыскать. Лисинда в тот момент оказалась уже на сносях, но в том не было ничего страшного. Великая Богиня принимает даже заблудших своих дочерей. Страшно было другое: она передала все свое наследие мужу. Мужу, недостойному этого... – Она не отвела взгляда, ее голос возвысился почти до крика. – Мужу, который позволил впоследствии ей умереть.

– Ты кое-что упустила. – На скулах мужчины ходили желваки. – Насколько мне известно, их нашли обоих мертвыми в собственном замке среди приближенной челяди и воинов-слуг, которые на тот момент были также мертвы.

– Теперь это неважно, – шумно разрыдалась женщина, уткнув заплаканное лицо в детское одеяло. – Никогда бы духа моего там не было, если б не мое обещание Амелии, матери Лисинды, стать хранительницей ее дочери. И не пришла бы я сюда сейчас, если б не мое обещание уже самой Лисинде не оставить ее кровиночку без присмотра и должной любви. Видно, девонька уже тогда знала, что погибнет.

Женщина замолчала, шумно сглотнула, подняла голову и воззрилась на мужчину, как на врага, вытирая на щеках непрошеные слезы.

– Но я опоздала: сначала умерла Амелия, затем – моя Лисинда, а ее девочка украдена. Я везде опоздала!

– Мне об этом ничего не известно, – изменившимся до неузнаваемости голосом проговорил мужчина, отстраненно вглядываясь куда-то в даль и едва сдерживаясь, чтобы не отдаться полностью охватившей его трансформации. Медленно повернулся к женщине, с мгновение внимательно рассматривая ее:

– У меня будут еще к тебе вопросы, но сейчас ты должна уйти отсюда.

Женщина притихла, а после коротко кивнула, нетвердой походкой двинувшись к дому, и вдруг остановилась. Она чувствовала, она знала, что за ней наблюдают.

Не оборачиваясь в его сторону, тихо проговорила:

– Я знаю, кто ты. – Она замолчала на мгновение и добавила: – Ты такой же, как и он, – только в тебе Свет, а в нем была Тьма. Верни малышку, верни нашу девочку! Это не просто ребенок. Так было предсказано в пророчестве. Записано в самой книге теней! Такие дети начнут рождаться, и наша девочка одна из них. – Женщина замолчала и подняла голову. Ее глаза не мигали, они светились изнутри нечеловеческим светом. – В ней Свет и Тьма... вместе!

Но мужчина уже не мог ее слышать, он мчался по следу. Его ждала охота. Охота, на которую не жалко будет потратить и всю свою оставшуюся жизнь.

2

Сны – это или забытое старое из прошлой жизни, или же пророчество на будущее. Пять лет спустя...

Первая встреча

Темная ночь. И нет в этой ночи ни серых, ни черных красок, есть лишь одна беспросветная Тьма. Ночной небосвод не украшен звездами, он черен, как мир, лежащий внизу. Мир неприветливый и чуждый, но не мертвый. Там живет всепоглощающая ненависть и люта злоба, она грозит раздавить, разметать, развеять и уничтожить все на своем пути.

И насколько можно было окинуть взглядом – снизу, сверху, со всех сторон, – везде был сплошной мрак, а с противоположных сторон друг на друга надвигались огромные темные волны. Сокрушительные, смертоносные, они двигались настолько стремительно, что невозможно было рассмотреть, из чего они состоят. Люди это или звери, или же разбушевавшаяся природная стихия, вышедшая, как расшалившееся дитя, из-под родительского контроля? И когда до столкновения остаются считанные секунды, на краткий миг приоткрывается истина, небывалое по своей неправдоподобности и мрачной красоте зрелище: сильные тела людей в одно мгновение превращаются в тела могучих зверей и бросаются рвать клыками себе подобных, но пришедших с другой стороны.

Кровь, стоны, крики и звериный рык разносятся на большие расстояния, заставляя разрываться сердца тех, кто в страхе ожидает самого худшего – смерти близких и горячо любимых людей. Земля содрогается от происходящего ужаса.

Юношу сковал животный страх. Он хотел отвернуться и не мог. Он видел. Чувствовал. Знал. Вдруг ветер донес до его слуха плач. Юноша обернулся, поднял голову и увидел ее. На краю самой высокой скалы стояла прекрасная дева, настолько красивая, что болели глаза. На ней были черные покровы, которые живой дымкой стелились далеко позади нее. Она простирала руки в ту сторону, где шла кровопролитная битва, и безутешно рыдала. Его потянуло к деве. И вот он уже стоял за ее спиной, не решаясь подойти и утешить разбитое горем сердце несчастной. Краем глаза заметил еще одну деву. Но та, одетая в белоснежные одеяния, стояла немного поодаль от края, в отчаянье обхватив себя руками. И каждый раз, когда в ночи раздавался зов очередного погибающего зверя, она невольно содрогалась. По щекам светлой красавицы бежали слезы. Вот она решительно сделала несколько шагов по направлению к черной деве и обняла ее, притягивая к себе и заставляя отвернуть взор от творившегося внизу ужаса. Все правильно: без Света нет Тьмы, и наоборот. Они всегда идут рядом.

– Не будет мне больше покоя! – прошептала черная дева, с благодарностью принимая сочувствие своей сестры. – И не хватит вечности, чтобы исправить ныне содеянное...

– Отныне на этой земле не будет покоя никому – ни живому, ни мертвому, – прошелестел голос светлой красавицы. – Но надежда есть всегда. – Она перевела взгляд на юношу и грустно улыбнулась. – Не отчаивайся, сестра. Я помогу.

– Но как? – воскликнула черная дева.

– Только любовь сможет спасти этот мир, – торжествующе возвестила светлая красавица, и голос ее разносился далеко окрест, гонимый ветром. Черная дева пристально всмотрелась в лицо своей собеседницы. Затем повернула голову, проследив за ее взглядом, и устремила черный взор в душу юноши.

Он вздрогнул и медленно попятился, не в силах оторвать своего взгляда от прекрасных ликов. Он увидел в их лицах вечность бытия, равновесие, обещание жизни, смерти, счастья, горя, любви... Он знал: это всего лишь сон. Он захотел проснуться, но не знал, как это сделать. А может, вовсе и не сон это? Почему тогда все так реально: и ветер, ласкающий кожу, и звуки битвы? Почему до боли в позвоночнике он не мог заставить себя повернуть голову, чтобы отвести свой взор в сторону?

Светлая красавица улыбнулась.

- Уже скоро, - прошептала она, даря обещание и надежду.

Сердце пропустило гулкий удар, заставляя содрогнуться всем телом.

- Проснись, - прошелестел в его ушах голос черной девы.

Юноша вздрогнул и открыл глаза. В голове набатом продолжал звучать голос темной красавицы. Проснись. Рука потянулась и убрала с мокрого лба прилипшую прядь волос, мешающую обзору. Он зябко поежился от ночного холода и беспокойно обвел все еще замутненным ото сна взором пустое помещение, перебегая взглядом от узкого оконного проема к противоположной стене, задерживаясь лишь на мгновение на особо подозрительных темных участках. Приподнялся и замер, внимательно рассматривая черный провал единственного входа в помещение.

- Ведь приснится же такое! - облегченно вздохнул юноша и откинулся обратно, закутываясь в дорожный плащ и смежив веки.

- Проснись.

На этот раз слово прошелестело прямо за его спиной, заставляя подскочить словно ужаленного на месте и тут же рухнуть обратно - ноги спеленал собственный плащ. Больно ударившись и судорожно сжимая в руках единственное свое оружие - старинный родовой кинжал, юноша осторожно повернул голову и уставился в чумазое детское лицо.

«Нежить, - пронеслось в голове. - Это же надо так попасть!»

На мгновение он замер, не в силах поверить в происходящее. Как-то особо не внушали доверия маленькие дети, взявшиеся из ниоткуда посреди ночи в развалинах полуразрушенного замка. Наклонился, быстро освободил ноги из плена и откатился в сторону. Занес правую руку с ножом для удара, ожидая неминуемого нападения, а левой рукой подтащил к себе скудные пожитки в виде небольшой походной сумки.

Ребенок с интересом наблюдал за его метаниями.

– Точно проснулся.

Лучезарная улыбка озарила детское лицо. Совершенно игнорируя нож в руке юноши, ребенок на четвереньках проворно подобрался ближе и доверчиво заглянул ему в лицо.

– Прячешься? А от кого? – Как зверек, потянул носом воздух. – Вкусно пахнешь. А это что у тебя? – ловко ухватился руками за край его сумки и уверенно потянул на себя.

Лицо у юноши медленно вытягивалось и каменело, превращаясь в неподвижную маску. Ребенок живой, а значит, не несет никакой опасности, как изначально он предполагал, но все его существо вопило о неправдоподобности происходящего. Снова недоверчиво обвел взглядом помещение и удивленно уставился на медленно, но верно уползающий вслед за сумкой из его рук теперь уже и плащ. Захлопнув вконец отвисшую челюсть, он резко дернул на себя свои вещи из рук чумазого создания. Но не тут-то было. Ребенок не собирался сдавать свои позиции, и некоторое время они упорно вытягивали друг у друга плащ с сумкой, стараясь не уступать противнику. Повоевав так короткое время за свои сокровища, юноша все же вырвал вещи из детских цепких рук. Тщательно вытряхнул плащ, скрутил сумку и положил ее себе в головы, подсовывая под плотный плед на полу. Расправил складки, как ни в чем не бывало опустил на свое импровизированное спальное место и натянул до самых ушей походный плащ.

– Ну, и откуда ты здесь? – наконец решил поинтересоваться юноша, блаженно вытягиваясь во весь рост. – В принципе, не важно. Шла бы ты лучше отсюда, деточка, подбру-поздорову, откуда пришла. – А потом больше для себя, чем для кого-то, закрывая глаза, задумчиво произнес вслух: – Вот же интересно, замок

ведь точно был пуст.

– Я останусь. – Тон, которым это было произнесено, не оставлял никаких сомнений: он явно вознамерился заночевать рядом. Юноша распахнул глаза и удивленно уставился на непрошеного гостя. Ребенок потупил взгляд и тихо проговорил: – Лучше здесь. – Утвердительно покивал головой и чуть ли не шепотом произнес: – Там темно и страшно.

Ребенок махнул рукой куда-то за спину. Откликнулся ветер, завывая сквозь щели старого заброшенного здания, некогда бывшего величественным замком.

– Почему? – спросил Юноша, приподнимаясь на локте и внимательно всматриваясь в темноту. – Сердце тревожно застучало: «Может, я все же что-то упустил?»

– Оно рыщет там и наблюдает. – Ребенок прикрыл глаза, потом уверенно кивнул головой и очень серьезно добавил: – И оно прямо сейчас там.

– Что рыщет там? О чем ты говоришь? – тихо спросил юноша, садясь и напряженно подаваясь вперед. После такого заявления у любого закрались бы нехорошие мысли, а если учесть еще все необычные обстоятельства столь странной встречи, то он мог бы поклясться, что в этот момент даже заметил в темноте какое-то движение. До боли в глазах вглядываясь в темноту, он замер в ожидании.

– Кто-то. – Ребенок пожал плечами и важно выдал: – Или что-то, оно приносит для меня еду, оставляет всегда в одном и том же месте и не показывается мне на глаза. – О чем-то задумался и тихо добавил: – И оно там точно есть.

Движение так и не повторилось.

– Нет там никого! – категорично заявил юноша, а про себя подумал: «Чего только со страху не примерещится?!»

Он подозрительно покосился на ребенка, хмыкнул и спокойно завалился на плед, подталкивая под голову сумку и укрываясь плащом.

«Скоро рассвет. Хоть бы успеть поспать еще немного».

Наконец сообразив вдруг, насколько несуразно все происходящее, юноша перевел взгляд на ребенка.

– Ты-то что здесь делаешь?

– Я здесь живу. – Ребенок немного помолчал, подумал и медленно, тщательно подбирая слова тихо, добавил: – Ты сюда пришел и совсем меня не заметил. – Он расплылся в довольной улыбке. – Я умею прятаться.

– Постой. Как это – живу? – Он уселся и подозрительно обвел взглядом полуразрушенные стены. – Где живу? Здесь, что ли? – Немного помолчал, потом серьезно посмотрел на ребенка и строго спросил: – Так, давай ты сейчас честно расскажешь доброму дяде, – он сам невольно улыбнулся при этих словах, – ну ладно, пусть не дяде, но зато доброму путешественнику о том, – он замолчал, соображая, о чем же таком важном должен поведать ему испуганный ребенок, – с кем ты здесь?

То, что перед ним не какая-нибудь нежить, а самый обычный ребенок, да еще и девочка, стало понятно сразу же, как только она подобралась к нему еще ближе и он смог отчетливо разглядеть лицо при лунном свете из окна.

– Ни с кем. Меня здесь оставили. – Девочка затравленно посмотрела вокруг и чуть ли не шепотом произнесла: – Я совсем не могу вспомнить, как вернуться, – сглотнула, едва сдерживая слезы. – И не могу вспомнить куда.

Юноша зябко повел плечами и постарался загнать как можно дальше свои эмоции, понимая, что это бесполезно, – на его лице сейчас можно найти все: от крайней степени удивления и ужаса до высшего проявления человеческого сострадания к этому существу. Юноша понимал, что перед ним один из тех несчастных детей, от которых еще при жизни отказывались родители. Но странное дело: в данном случае ребенка не обрекли на голодную и холодную смерть, а продолжали приносить пропитание. «Что же это за звери, раз смогли такое сотворить с ребенком? И для чего все это? Бросить одного, но не дать умереть с голоду».

В этот момент этот самый ребенок, втянув в себя воздух и окончательно убедившись, откуда идут столь соблазнительные запахи, блаженно прикрыл глаза, наблюдая из-под опущенных ресниц за краем сумки, выглядывающей из-под пледа. Пахло очень вкусно.

– Значит, не помнишь?! А как давно ты здесь – тоже не знаешь? – подозрительно прищурившись, спросил юноша, натягивая плед на сумку и внимательно наблюдая за ребенком. Девочка тут же переместилась еще ближе и не отводила взгляда от сумки. Тяжело вздохнув, он откинул плед, вытащил свой мешок, развязал и принялся шарить в нем. В какой-то момент он поднял глаза и посмотрел на незнакомку. Ребенок заворожено наблюдал за каждым его движением, облизывая сухие обветренные губы.

– Вот, держи. – Юноша вытащил кусок вяленого мяса и протянул в ее сторону. – Сейчас посмотрю, где-то у меня еще должна быть хлебная лепешка.

Девочка с опаской приблизилась к угощению и не решалась взять его в руки. С сомнением еще раз посмотрела на юношу.

– Ну же, бери, это вкусно.

Юноша невольно расплылся в улыбке, увидев, с каким удовольствием голодный ребенок впился зубами в кусок подсушенного мяса. Достал кусок очерствелого хлеба и вложил ей в протянутую руку.

Что это? Ему показалось, или он действительно на краткий миг увидел в глазах незнакомки золотистые всполохи? Нет, все же показалось. Ладно, разберемся во всем завтра. А пока надо бы и поспать.

– Я останусь здесь, – напомнила она.

– Делай, как считаешь нужным. – Он удобно улегся на плед и с любопытством посмотрел на девочку.

Ребенок подтянул под себя колени, пытаясь укутать их подобием подола детского платья. Юноша присмотрелся. Нет, то, что на ней было надето, больше походило на мужскую рубашку. Он нахмурился.

– Ладно. Давай, иди сюда. – Он откинул в сторону свой походный плащ, приглашая ее разделить с ним на сегодняшнюю ночь лежанку, состоявшую в основном из прикрытых плотным пледом веток сосны, в изобилии растущей вокруг замка, и наломанного наспех валежника. – Ну, это для того, чтобы ты совсем не озябла до утра, понимаешь?

Девочка недоверчиво посмотрела на него. Зачем-то покосилась в темный проем, прислушалась и согласно кивнула, проворно перебираясь под теплый бок незнакомца. Как там он себя назвал? А, ну да, добрый путешественник.

– Ты нравишься мне, – тихо произнесла девочка.

– А теперь спим. Завтра решим, что с тобой делать, – ответил он, опускаясь рядом и заботливо подталкивая вокруг них плащ. Немного подумал и решительно притянул худенькое тельце к себе. Охнул, когда почувствовал на своей груди холод детских рук, стиснул зубы и шумно засопел, проклиная тех чудовищ, которые могли бросить это дитя здесь в полном одиночестве. – Да ты как кусок льда, – перевел дыхание. – Ну почему все нелепости этого мира должны случаться только со мной? – тихо проговорил он в темноту, уже смеживши веки. Хитро улыбнулся и добавил совсем уже шепотом: – Можно не отвечать.

Наслаждаясь незнакомыми ощущениями тепла, сытости, защищенности, боясь даже пошевелиться, она лежала и прислушивалась к размеренному стуку сердца «доброе путешественника». А вдруг ей все это только снится и сейчас предстоит проснуться? Ведь к ней уже не раз приходили удивительные, красивые, добрые сны, где всегда была одна и та же женщина, которая улыбалась ей, нежно брала на руки и баюкала, прижимая к своей груди и напевая грустную песню. А еще в этих снах всегда был кто-то, кого она до ужаса боялась. При одном лишь воспоминании о плохом человеке девочка забеспокоилась, заворочалась, попыталась вывернуться из крепких рук.

Юноша приоткрыл глаза, недоуменно посмотрел на лежащее рядом лохматое чудо, усмехнулся и еще крепче обхватил ее руками:

– Спи уже!

Голова доверчиво приникла к груди, а через какое-то время он услышал мерное дыхание спящего ребенка.

Иногда судьба начинает писать свою историю с совершенно нелепого, казалось бы, события или происшествия. То, что не должно было никогда случиться – случилось. Кто не должен был встретиться – встретился.

Раннее утро. По земле стелется утренний туман. Первые лучи солнца поблескивают в каплях росы на буйной весенней зелени. Лес медленно просыпается, принося в мир привычные свои звуки. Из окна первого этажа выглянул юноша, обвел внимательным взглядом округу, посмотрел куда-то позади себя и что-то сказал, собирая привычным движением черные длинные волосы в хвост. Отвернулся, подошел к оконному проему, оперся руками о каменную кладку и уверенно прыгнул вниз, грациозно приземляясь точно на ноги. Посмотрел наверх и что-то крикнул. Из окна следом сначала полетел объемистый мешок, а через мгновение в черном проеме показалась худенькая фигура ребенка на вид лет пяти от рождения. Цепляясь руками за край проема, она лишь мгновение с сомнением разглядывала юношу, стоявшего внизу и протягивающего к ней руки, а затем доверчиво прыгнула вниз. Бережно подхватив ее, юноша залился звонким смехом, веселясь от всей души над испуганным и взъерошенным видом своей ноши.

По заросшей и давно всеми забытой дороге, уходившей в неведомую даль, доверчиво взявшись за руки уверенно шагали прочь от старых развалин две фигуры. А из полуразрушенной башни за ними настороженно наблюдала пара жгучих черных глаз.

3

Если ты сильный, еще не значит, что ты прав

Громко хлопнув дверью, из дверей общей кухни выскочила грузная женщина неопределенного возраста с растрепанной прической и красным лицом и понеслась со всех ног по усыпанной гравием дорожке к парадному входу величественного здания под громким названием «Дом милосердия». Едва успевая переставлять короткие толстые ножки, за несколько метров до своей

цели она начала громко причитать и размахивать руками. Добежав до дверей, она исчезла на короткое время внутри здания для того, чтобы тут же явиться вновь, но уже в сопровождении двух дюжих мужчин. Жестикулируя и что-то громко объясняя, она без конца нелепо подпрыгивала и периодически заламывала руки, требуя немедленного отщещения и призывая неуклюжих и неповоротливых мужиков двигаться быстрее.

– Я всегда говорила. Я ведь всегда знала, с самого первого дня появления этой рыжей бестии в нашем уважаемом и заслуженном заведении, где испокон веков воспитывались только студиозы из самых приличных семей...эээ... – Припомнилось вдруг, что в приюте также учились дети, у которых и вовсе не было родителей. Потеряв нить своих рассуждений, женщина фыркнула и с новой силой запричитала на весь двор: – Эта гадина пролезла в подвал и слопала огромный кусок окорока пудов так на несколько. – Видя недоверие на лицах сопровождающих ее мужчин, она уверенно закивала: – Да-да, не меньше.

– Уважаемая, позвольте, там ведь в чем душа держится, куда же в нее столько могло вместиться? – удивленно спросил другой мужчина, невольно замедляясь и поглядывая на своего напарника, который в этот момент остановился и с сомнением смотрел на женщину.

– А вот не позволю, знать ничего не знаю, вора поймали с поличным, вот. Ректор что говорил? То и говорил, что главное – поймать, наказание последует неминуемо. За чем тогда дело стало? – спросила разгневанная женщина, с вызовом подбоченившись. – Сколько за это время всего ценного пропадало, а поймать никого не получалось.

– Надо дожидаться господина Ректора и только потом вершить суд. И то еще надо для начала доказать виновность-то. Нет, я на такое точно не подписываюсь, – твердо сказал пожилой мужчина, отворачиваясь и решительным шагом направляясь обратно. – Я уйду, а ты как знаешь.

Юноша удивленно проводил взглядом уходящего сторожа. Припоминая все слухи, ходившие об этом найденныше и о столь трепетном покровительстве главы приюта этой девчонке, он ощутил в душе на мгновение возникшее сомнение. Неуверенно посмотрел в лицо разъяренной женщины, вспомнил томный и многообещающий взгляд ее дочери и принял окончательное решение.

– А мы пойдем и малость поговорим с той воришкой. – Он недобро улыбнулся, увеличивая шаг в предвкушении предстоящего наказания.

Ворвавшись в просторный зал кухни, они не сразу смогли обнаружить виновницу. Девочка едва дышала под тяжестью съехавших на нее мешков с крупой и вдобавок восседавшего сверху сыночка поварихи. Одежда, лицо, волосы ее были перепачканы в муке. Девочка в ужасе наблюдала за вновь прибывшими. В противоположном углу жалобно скулили служки и помощники при кухне, не решаясь даже сдвинуться с места.

– Маманя, смотри, – гордо потрясая огромной поварешкой, зажатой в пухлой руке, сообщил высокорослый детина, указывая другой под себя, – как исправно лежит, ей от меня ни за что не сбежать. У, как зыркает своим глазищами. А можно мне ее тоже наказать? – с надеждой в голосе спросил он, заискивающе заглядывая в глаза матери.

– Нет, нельзя. Сами управимся. – Вместо матери ответил мужчина, подойдя к нему и рывком подняв с мешков. – Ты хоть сообразил бы, что она может душу отдать под эдакой тяжестью. – Он ощутимо встряхнул детину и начал подталкивать к выходу, попутно вырвав из его рук поварешку и жестами приглашая всех остальных немедленно очистить помещение. Когда в кухне остались только он и повариха, направился к мешкам и небрежно подхватил не по годам щуплую девчонку с пола. Повернулся к женщине и вопрошающе посмотрел, та понимающе кивнула и поманила рукой за собой.

– Пошли в подвал, где поймали, там и наказывать будем. Чтобы в следующий раз уже точно неповадно было ни ей, ни кому-то другому. – Потрясая ключами и гулко топая тяжелыми башмаками, они спустились вниз. Замок поддался лишь со второго раза. Мужчина беззвучно скользнул внутрь с девчонкой на плече. Скинул худенькое тельце на пол и с любопытством воззрился на высоченные ряды полок вокруг. Алчный взгляд перебегал с бутылей дорогих вин на заморские деликатесы, диковинные фрукты и различные экзотические сладости. Перевел взгляд на женщину. – Ну, и как прикажете наказать?

Женщина тут же приосанилась, гордо вскинула голову и озвучила свое решение:

– Розгами, конечно, да так, чтобы неделю после не могла еще присесть. И вот еще... – Из-под фартука достала кухонный тесак. – Срежь ей волосы, чтобы все

знали, что это она сделала.

Мужчина поднял девочку с пола и безвольной куклой перекинул через свое колено. Находясь в забытьи, первые несколько ударов она даже не почувствовала. Затем вздрогнула и закричала. Женщина до крови закусила губы, стараясь не слышать отчаянных криков, но потом все же не выдержала, подхватила с пола грязную тряпицу и затолкала ей в рот. Крики стали едва различимы, а затем и вовсе стихли.

– Довольно, – срываясь на крик, произнесла повариха. – Обстриги ей волосы, да пошли отсюда. Я не в силах больше это выносить.

Мужчина ухватил девочку за косу и подтянул к себе. Она вдруг пришла в сознание, подняла веки и безумным взглядом осмотрелась, пытаясь что-то сказать. Губы шевелились, тщетно стараясь вытолкнуть кляп. Он выдернул тряпицу и наклонился к ее лицу.

– Пожалуйста... пощадите... я не трогала...

Он усмехнулся, накрутил косу на руку, натянул ее и полосонул по волосам ножом. Нож застревал, путался и никак не хотел срезать хотя бы прядь с головы ребенка. Девочка, наконец, осознала, что происходит, и забилась раненой птицей в руках своего мучителя. Мужчина едва справлялся, настолько в своем отчаянье ребенок оказался сильным.

– Да срежь ты уже их! На вот, возьми, этим лучше будет. – Женщина за это время где-то нашла ножницы и сейчас протягивала ему. – И дело с концом, а я подержу. Кстати, можешь взять все, что тебе приглянулось, заслужил, – а сама ногой задвинула под стол огромную корзину с продуктами.

Поздно вечером, прямо за несколько минут до закрытия главных ворот, на территорию приюта влетел черный всадник. Грохоча по вымощенной камнем подъездной дороге, заставляя шарахаться в разные стороны местных обывателей, всадник проследовал к главному входу общего здания, резко осадил лошадь и ласково потрепал ее по холке, с интересом рассматривая помпезные нагромождения различных стилей в архитектуре строения. Дверь распахнулась, незнакомца явно ждали. На пороге стоял худощавый мужчина,

Ректор этого примечательного заведения, и беззастенчиво разглядывал фигуру в черном.

– Ты опоздал. Я ждал тебя после обеда, а сейчас чуть ли не ночь. – В глазах плясали смешинки. – Хотя в принципе пунктуальность никогда не была твоей сильной стороной. – Он сделал несколько шагов в сторону гостя. – Как же я рад снова видеть тебя, Илиодор, дружище. Сколько лет, сколько зим прошло с последней нашей встречи?

Незнакомец откинул капюшон, выражение лица было непроницаемым лишь мгновение. Суровые черты озарила улыбка, он спустился с лошади и пошел к нему навстречу.

– А как я рад тебя видеть! – воскликнул Илиодор. Неуверенно перетаптываясь на одном месте, мужчина протянул руку для дружественного пожатия. Илиодор не обратил внимания на сей скромный жест, в считанные секунды широким шагом преодолел несколько метров и сграбастал друга в крепкие объятия, одним махом выбивая дюжей силой весь запас воздуха из легких, заставляя натужно закашляться. Он с интересом отстранил мужчину от своей груди, беспокойно заглянул в лицо. – Я вижу, ничего не меняется, ты по-прежнему все тот же задохлик, – притянул к себе и с удвоенной силой снова сжал в объятиях.

– Кто бы говорил, – сквозь спазмы удушливого кашля едва выдохнул мужчина. – Послушай, отпусти, а?! Иначе еще мгновение – и ты будешь сжимать в своих крепких объятиях мой хладный труп.

Илиодор разжал руки, придерживая друга и не давая ему тут же свалиться на землю.

– Никогда не понимал, в чем у тебя душа держится? – хитро прищурился он, заботливо оправляя одежду на друге и вспоминая добрую шутку про себя из далекого прошлого. – Ну вот, даже не сломал, не помял и не испортил.

– Чего тут непонятного? Ведь ведомо, что на одном энтузиазме, – едва переводя дыхание пошутил хозяин. – Пошли в мой кабинет, поговорим по душам, оформим документы. Чего время зря терять? Ты ведь ничего не забыл? На этот раз все документы в порядке? Да и расскажешь, как все прошло с твоей родней.

На лицо Илиодора набежала тень. Он весь подобрался и серьезно посмотрел на собеседника, обдумывая свой ответ, затем все же кивнул.

– Да не может быть! – Мужчина не мог скрыть своего удивления. – Неужели они до такой степени погрязли в глупых предрассудках, что закрыли свои сердца? И я просто умираю от любопытства в ожидании рассказа, как ты смог обнаружить, что твоя племянница находится именно в этом приюте.

– Как раз таки с обнаружением не возникло никаких трудностей. Эльхор – маг наших старейшин – указал место, где находилась моя племянница и какое носила имя. – Илиодор видел, как от удивления вытянулось лицо друга. – Да, я обратился к совету за помощью и все рассказал.

– Кстати, я помню его визит и тот странный разговор о детях-сиротах, как они попадают к нам, кто приводит, – глава Ветернхильского приюта тяжело вздохнул и задумался, – но не придавал ему тогда значения. Сейчас припоминаю: твое первое письмо пришло как раз после его визита. На тот момент твоей племяннице как раз исполнилось десять лет. Значит, я правильно считал ее ауру. – Мужчина, довольный собой, улыбнулся. – Ну да ладно, расскажи мне лучше о твоих родителях. Как они восприняли такую новость?

– С моими родителями не возникло никаких проблем. Все очень осложнилось после визита ближайших родственников моей снохи, – тяжело вздохнул он, замолчал и мгновение раздумывал. – Заметь, никто из ее родных даже не показался. Ты сам понимаешь, оформление опекуна – сложная и длительная процедура, а когда еще неожиданно объявляются дальние родственники и начинают оспаривать твое право, то дело осложняется в разы и может затянуться на года, что и случилось со мной. Но впрочем, эта история достойна подробностей. Показывай, где твой кабинет, – пропустил хозяина вперед и двинулся следом. – Надеюсь, у тебя там найдется что-нибудь для настоящих мужчин?

– Обижаешь, однако. – Мужчина увеличил шаг. Дальше шли молча. Поднявшись на третий этаж, лишь однажды задержались возле самого кабинета отдать строжайшее распоряжение: не входить никому, ни под каким предлогом.

Через час Ректор выглянул и потребовал немедленно найти и привести в его кабинет девочку, которую все знали под именем Джим Ветерн – столь странной

фамилией награждались все дети, у которых не было официальных родителей (Ветернхил – местность на севере страны, где находилась школа). Имя же она получила от человека, который на тот момент был единственным сторожем главных ворот. Он и нашел ребенка на ступеньках возле маленькой сторожки сразу же после того, как утром открыл главные ворота, и было совершенно непонятно, чем он руководствовался при своем выборе, дав маленькой девочке мужское имя – Джим.

А спустя пять лет после описанного выше события Ректор получил пространное письмо от Илиодора Деф'Олдмана – боевого товарища и своего старого друга. Текст гласил следующее: найденуш этот – Эвелин Сен-Ревилью Деф'Олдман, единственный ребенок и наследница ныне покойных ее родителей (ни слова описания обстоятельств гибели четы) Исидора Деф'Олдмана и Лисинды Сен-Ревилью (подтверждающие этот факт документы в свое время будут обязательно предоставлены главе Ветернхильского приюта). Потом шло пространное описание быта друга, новости о его родителях и даже подробный рассказ об уборочных работах по осени в полях, но ни единого больше слова, касающегося данного дитя. В конце письма друг сообщал, что в скором времени прибудет с визитом, а до того момента настоятельно рекомендовал бы держать эту новость в тайне как от общественности, так и от самого ребенка (по причинам, известным только самому отправителю). Сей «скорый визит» был отложен на пять долгих лет. За это время декан успел отослать несколько писем с описанием и подробным рассказом о жизни и успехах его племянницы, на которые так и не получил ответа. И только месяц назад была получена срочная депеша с гонцом, в которой сообщалось, что Илиодор Деф'Олдман уже в двух днях пути от школы. И вот сегодня он с неподдельным интересом слушал историю о том, как его друг стал по воле брата-близнеца единоличным опекуном своей племянницы. О том, как был украден ребенок в день зачтения завещания, о долгих годах непрерывного поиска похитителей и самой девочки. И подробный рассказ о непримиримых разногласиях не только со своим собственным кланом, но еще и с родственниками по линии матери, неожиданно объявившимися в момент, когда стало известно, что ребенок жив и пребывает в полном здравии, благополучно находясь в школе-интернате.

В ожидании встречи Илиодор принялся нервно расхаживать по комнате. Он был излишне молчалив и рассеян. Отвечал на вопросы невпопад и явно не слушал то, что говорил декан. Через какое-то время в кабинет заглянул обеспокоенный декан факультета естествознания и удивленно сообщил о том, что ребенка не могут найти нигде. А через несколько минут уже вся школа стояла вверх дном, переполошенная известием об исчезновении одной из учащихся – событие,

никогда ранее не случавшееся в истории школы-интерната.

Старый сторож появился ближе к вечеру. В этот момент не осталось ни одного человека, за исключением младших групп, кто не был бы занят поисками ребенка. Узнав, из-за чего переполох, пожилой мужчина сразу же направился в кабинет к Ректору, там он рассказал об утреннем инциденте, невольным участником которого ему довелось стать.

Когда через несколько минут сонная повариха с неохотой открыла дверь нежданым посетителям, она не особо удивилась, увидев на пороге своего жилища Ректора вместе с незнакомцем. Признаться, она совсем забыла, что не выпустила девчонку из подвала, и не придавала никакого значения шуму, поднявшемуся вечером во дворе. Быстро сообразив, чему обязана столь позднему визиту, она начала слезно причитать о невосполнимых убытках школы из-за участившегося в последнее время воровства. Столь проникновенная речь была остановлена Ректором одним лишь взмахом руки и коротким требовательным «где она?» от незнакомца. Похлопав недоумевающе ресницами, как если бы только что заметила присутствие другого человека, она молча развернулась и направилась по узкому коридору, ведущему на кухню, а оттуда и в подвал.

Как только они добрались до нужных дверей, незнакомец в нетерпении вырвал из ее рук ключи и сам принялся открывать замок. Через мгновение он исчез в темноте складского помещения, а еще через мгновение он стоял в дверном проеме и держал в руках обрезанную косу, обводя безумным взглядом присутствующих и зловеще скрежеща зубами. Ректор слишком поздно сообразил, что происходит. Мгновение – и вот руки друга уже сжимают шею женщины, грозя той неминуемой смертью.

– Где она? Что ты сделала с ней? – В голосе звучал металл и презрение.

– Илиодор... – Ректор попробовал привлечь к себе внимание друга, но тот не реагировал. Тогда он подошел и попытался разомкнуть кольцо его рук, стараясь ослабить мертвую хватку: женщина и так уже едва дышала, безвольно повиснув и перестав сопротивляться.

Илиодор повернул голову и удивленно воззрился на друга.

– Эта безумица обрезала ей волосы. Волосы! Ты это понимаешь?! – Его голос чуть ли не срывался на крик. – Ты ведь прекрасно знаешь, что это значит! – Он отвернул горящий взор и приблизил свое лицо почти вплотную к лицу обезумевшей от страха женщины. – Каким же должно было быть преступление, чтобы ты такое сотворила с ней? Я хочу это услышать! Отвечай! – Он с силой встряхнул ее.

– Да она не может тебе ответить, ты ее практически задушил. Илиодор, так нельзя! Остановись! Только не в этих стенах. – Ректор с усилием дергал друга за руки, с тревогой поглядывая на пелену, затягивающую глаза женщины. – Убив ее, ты не решишь проблемы.

– Ты прав, не решу, зато сделаю хорошее дело – избавлю свет от этой... – Но руки невольно все же ослабили хватку, плечи безвольно поникли, а через мгновение женское тело рухнуло кулем на земляной пол возле его ног. Не веря в свое освобождение, женщина какое-то время лежала без движения и безумным взглядом смотрела на незнакомца, а затем медленно поползла к выходу. – Ты сейчас жива лишь потому, что за тебя просят, но я обещаю тебе: придет день, и мы вновь встретимся, но тогда рядом с тобой уже никого не будет. Это говорит тебе Илиодор Деф’Олдман клана Олдман, дитя которого ты истязала и обесчестила. Запомни мое имя. Пусть оно всегда будет у тебя на устах.

Женщина поднялась на ноги и бросилась бежать.

– Я не мог и помыслить, что может такое случиться. Прости. Какое-то прямо чудовищное стечение обстоятельств! – Ректор удрученно пожал плечами, подошел к другу и положил руку ему на плечо. – Хочу, чтобы ты знал: все то время, что она здесь была, я тоже успел привязаться к девочке. Поверь, мне сейчас не легче, – опустил руки, немного постоял рядом, рассматривая напряженную спину друга, а затем прошел внутрь и зажег над головой магический огонек, освещая складское помещение. Несколько минут стоял неподвижно, мысленно восстанавливая картину того, что здесь произошло. Вздрогнул. Посмотрел на друга с опаской. – Мне не хватит всей моей жизни, чтобы отмыться от позора, содеянного сегодня в стенах вверенной мне школы. И я не вправе просить тебя о снисхождении к виновникам, причастным ко всему этому. – Плечи опустились, взор стыдливо потух. – Недосмотрел, не уберег, нарушил твое доверие.

Илиодор смотрел равнодушно. Лицо превратилось в неподвижную маску. Было совершенно непонятно, о чем сейчас думает этот человек, какие испытывает чувства.

– Давай не будем об этом. Меня сейчас интересует лишь одно: где она может быть?

– Я не знаю, – честно признался Ректор. Такого растерянного выражения на его лице Илиодор не мог припомнить за все время, что они были знакомы. – Стандартный поиск не дал результатов. – Ректор удивленно вскинул брови вверх. – Я не вижу ее. Это не магия. Это что-то другое. Чувствую разрыв в подпространстве, но точно не уверен в этом. Да и связано ли это с ребенком? – бросил взгляд на маленькое окошко вверх. – На дворе ночь и продолжать дальше поиски бессмысленно. Продолжим уже с утра. За то время, что осталось до рассвета, я постараюсь подтянуть к школе как можно больше людей. – И чтобы окончательно успокоить друга, добавил: – Обещаю, мы обязательно ее найдем!

Глаза Илиодора полыхнули недобрым светом. Он весь подобрался, медленно повернулся и какое-то время пристально всматривался в лицо друга. С сомнением покачал головой:

– Ты даже не представляешь, насколько наша жизнь изменилась бы, если бы мы однажды перестали давать обещания, которые не в состоянии выполнить. – Илиодор перевел дыхание, немного помолчал. – И еще. Не надо говорить ничего из того, в чем ты сам не уверен. – Мужчина повернулся и вышел из комнаты. – Я сам ее найду! Твоя помощь мне больше не понадобится.

4

Все, что нас не убивает, делает нас только сильнее. Встреча вторая

Из беспокойного сна она вынырнула в холодном липком поту. Несколько минут лежала с закрытыми глазами и прислушивалась, цепенея от охватившего все тело ледящего ужаса. В крошечной темноте раздавался странный звук, где-то

совсем рядом что-то грызли. Открыла глаза. Странно, но она вполне сносно видела в темноте, что никак не поддавалось объяснению. Справа от нее в соседнем туннеле кто-то был. И этот кто-то сейчас с упоением питался, вгрызаясь во что-то или в кого-то зубами, хлюпая и причмокивая от удовольствия и громко урча. Вот только чем можно здесь питаться? Она с силой зажмурила веки. «Не хочу этого знать». Прикусила до крови нижнюю губу. «И не хочу этого видеть». Шмыгнула носом. «И быть здесь я тоже не хочу».

Как долго она тут? Неделю? Месяц? Она не помнила. День сейчас или ночь? Тоже не знала. Просто однажды перестала следить за временем. Почему-то вспомнился самый первый день и тот ужас, который она испытала, придя в сознание в этом странном месте. И ничего больше: ни где была раньше, ни как сюда попала. Открыла глаза и подозрительно всмотрелась в темноту соседнего узкого лаза. «Ведь не умерла, научилась выживать, прятаться, находить пищу, – скривилась, – воду... а может, я всегда умела это делать?»

Затекшая от долгого лежания в одном положении спина дала о себе знать ноющей болью в пояснице. Она слегка пошевелилась, стараясь не шуметь и не привлекать к себе излишнего внимания. Звук вдалеке мгновенно прекратился. К ней молниеносно метнулась серая тень. Она поняла: это что-то находится сейчас совсем рядом, настолько близко, что протяни руку – и дотронешься. Раскачиваясь из стороны в сторону и издавая странные горловые звуки, больше похожие на внутриутробное урчание, чудовище втягивало в себя воздух и шумно выдыхало, обволакивая смрадным дыханием все ее тело. «Все. Это конец», – промелькнула мысль, и в этот момент ее желудок вдруг истошно завопил от голода. От изумления девочка распахнула глаза и в ужасе уставилась на удаляющуюся спину неизвестного существа. О том, что это был не человек, свидетельствовал причудливый гребень, тянувшийся вдоль всей спины по позвоночнику, и длинный хвост с округлым набалдашником на конце. «Оно меня не тронуло», – забило в голове набатом. Боялась перевести дыхание и все никак не могла отвести своего взгляда от соседнего туннеля, куда только что ушло... или уползло, в общем, скрылось из глаз нечто, что даже не посчитало достойным своего внимания ее пребывание здесь.

«Почему оно меня не тронуло?» – Она выпрямилась и села, пристально вглядываясь в темноту черного провала. Вместо ответа из темноты тут же высунулась голова чудовища, взирая на нее оценивающим холодным взором нечеловеческих глаз. Девочка шумно сглотнула и снова зажмурилась. «Мамочки! Хочу домой», – малодушно пискнуло где-то внутри. Ответ пришел мгновенно: «У

тебя нет дома. Да и мамочки у тебя тоже нет». Она скорее догадалась, чем почувствовала, что осталась одна. Чудовище втянуло голову в непроглядную темноту туннеля.

Дом... А был ли он вообще когда-нибудь у нее? Наверяд ли. Есть ли у нее родные или близкие люди? Неизвестно. За ответ на этот вопрос она, не задумываясь, отдала бы очень многое. А была ли она когда-нибудь счастлива? Невольная улыбка набежала на лицо. Да, была, но лишь однажды, очень давно. Когда была совсем еще крошкой, она встретила «доброего путешественника». Вспомнилось вдруг, как она мучила себя после, повторяя изо дня в день все, что произошло с ней – каждый момент, когда она была рядом с ним. И все равно по истечении лет, взрослея, она все же забыла его имя и разные мелкие обстоятельства, которые сейчас, возможно, могли бы многое рассказать о таинственном незнакомце. «Откуда он тогда взялся? Куда направлялся?» – грустно вздохнула она, вспоминая тот день, когда нашла мальчишку в развалинах старого замка. «А почему я там была? И как туда вообще попала?»

Со временем она стала кое-что понимать и теперь точно знала: даже если у нее когда-то и была мать, то та ее совсем не любила, возможно, даже и не хотела. Иначе как понять, что при наличии огромного количества всяких домов-интернатов, школ для подкидышей, всевозможных храмов, где рабочие руки требовались всегда, эта женщина предпочла бросить ее далеко от цивилизации в разрушенном замке, обрекая таким поступком свое дитя на верную голодную смерть.

Она приоткрыла один глаз, затем другой, покосилась в сторону туннеля. Осторожно сместилась в противоположную сторону под спасительную тень соседнего узкого коридора. Робко сделала сначала один шаг, затем другой и замерла в ожидании, что чудовище снова высунется из темноты. Ничего не происходило. Лишь было слышно, как воет ветер и вдалеке где-то капает вода. «Так, поворачиваюсь спиной и медленно ухожу. Очень медленно. Не делая резких движений. Оно явно там. И оно внимательно наблюдает. Чувствую. Знаю». Было ощущение, что от макушки до самых пяток от страха заледенела кожа, заставляя замереть на месте и не дышать. «И мне вовсе не страшно! – уговаривала она себя, шумно выдохнув воздух и неуверенно сделав еще один шаг. – Мне ведь не страшно?» Она не могла заставить себя повернуться спиной к туннелю, где скрылось чудовище, и пятилась задом. Все смотрела и смотрела в предательскую темноту. «Нет, мне до ужаса страшно!» Мозг вдруг взорвался паникой, она развернулась и бегом бросилась в узкий коридор, поминутно

ожидая за своей спиной преследования. Не хватало воздуха, из-за голодного истощения тело отказывалось слушаться, поэтому ноги заплетались, а легкие грозились разорваться от непосильной нагрузки. Она упала, споткнувшись о камень, и по инерции прокатилась еще несколько метров вперед, обдирая до крови кожу на локтях и коленях. Туннель в этом месте резко уходил вниз. Не удержалась, громко вскрикнула и сорвалась в пустоту ниже на несколько уровней от того коридора, где все это время ранее обитала. «Вот и все».

Она мягко приземлилась – что-то склизкое и мокрое копошилось под телом. От размышлений о своем нерадостном будущем – стать чьим-нибудь обедом – ее отвлек шорох. Открыла глаза и повернулась на звук. На расстоянии вытянутой руки спиной к ней сидело существо, как две капли воды похожее на то чудовище, которое, ей казалось, она оставила далеко позади себя, спасаясь бегством по темному коридору. «Не может быть!» Длинный хвост медленно приподнялся. Она заворожено проследила за ним взглядом, а потом развернулась и побежала. Каких-то долей секунды ей не хватило, чтобы увернуться от удара, – кожу на спине прочертил кровавый след. Упала. Закричала от боли и машинально откатилась в сторону, уходя от еще одного удара. Взгляд выхватил в темноте узкий лаз. «Вот где спасение. Надо бы постараться пробраться туда». Пахло кровью. Ее кровью. Тварь вдруг повернулась и уставилась на нее голодными глазами. Вот тут нервы уже не выдержали, и она истошно закричала.

В тот самый момент темноту разорвала яркая вспышка света. Раздались крики. Топот ног. Часто моргая, она силилась хоть что-то рассмотреть, но видела сквозь предательские слезы лишь неясные силуэты. Это были люди, и на них со всех сторон напирала хвостатые твари, грозя подмять их своим количеством. «Откуда они здесь?»

Тварь, напавшая на нее, зашипела и в страхе попятилась от незнакомцев. Затем остановилась, своими глазами-буравами оценила расстояние до пришельцев и до тела жертвы, беспомощно лежавшей на земле рядом с ней. Запах крови развеял последние сомнения, медленно, прижавшись к полу, она поползла в сторону девочки.

Девочка в ужасе наблюдала за чудовищем, колебалась всего мгновение, подскочила на ноги и ринулась в сторону незнакомцев: спасение там, где люди. Сильный удар сбил ее с ног, вышибая весь воздух из легких и заставляя на короткий миг потерять ориентацию в пространстве. Она повернулась на спину,

сплевывая кровь от разбитых губ, и смело подняла голову. Всего на долю секунды они встретились взглядом, человек и чудовище, а затем острые зубы сомкнулись на щиколотке ноги девочки. Она распахнула глаза и истошно закричала. Игнорируя шум битвы и крики жертвы, существо быстро удалялось со света во мрак узкого туннеля, бережно унося в зубах законную добычу.

– Харон, Тьма тебя заведи, куда ты пропал? Мне срочно нужна твоя помощь! – Юноша виртуозно орудовал двумя мечами, вращаясь в безумном танце вокруг своей оси, нанося точные удары и попутно отражая нападения еще и на мага, стоявшего рядом с ним и пытавшегося в этот момент завершить сложное плетение огневого заклинания. – Харо-он! – Юноша внезапно сам перешел в нападение, стараясь хоть немного оттеснить от себя и своего напарника нападающих со всех сторон хвостатых тварей. – Ребята, да где же вы? Между прочим, здесь цигуля[1 - Цигуля – вид низшей нежити; среда обитания подземелья и катакомбы; питаются обычно мертвой плотью, но не прочь полакомиться живой; на поверхность не выходят, не переносят дневной свет; почти слепы, но обладают превосходным обонянием, имеют удлиненное деформированное тело, где позвоночник плавно переходит в хвост, на конце которого находится костяной шип.] кого-то потащила в восточный коридор.

Маг за его спиной, не глядя, тут же шарахнул в ту сторону огненным шаром. В воздухе поплыл запах паленого мяса. Юноша удивленно открыл рот и тут же закашлялся, зло покосившись на мага.

– Спасибо, удружил. Предупреждать ведь надо.

Юный маг откинул длинные пепельные волосы за спину, стали видны вытянутые уши с заостренными кончиками, бледное – может, даже чересчур – лицо, темные круги под глазами и пронизывающий взор миндалевидных зеленых глаз. Он виновато дернул плечами, смахивая со лба проступивший пот.

– Всегда «пожалуйста». – Он прикусил губу и шумно выдохнул. – А у меня уже все готово. – С его рук потек жидкий огонь, послушно направляясь к основной массе серых существ, полностью окруживших их. Не рассчитал свои силы, покачнулся и чуть не упал, ухватившись за плечо соседа.

Мечник тревожно посмотрел на него, удивленно присвистнул, развернулся и в самый последний момент подхватил его, не позволяя окончательно свалиться на

землю. Огненная волна коснулась серой массы. Раздался взрыв. Мечник прижал эльфа-мага к стене, закрывая своим телом от случайных осколков, и тревожно вглядывался в его лицо. Юноша тяжело дышал и едва держался на ногах.

– Признаться, и правда выглядишь паршиво. – В этот самый момент за спиной раздался очередной взрыв, и волной его бросило вперед на едва стоявшего на ногах эльфа.

Юный эльф при этом болезненно скривился, едва смог перевести дыхание, но открыл глаза и уставился на него. – Что? – только и смог он спросить.

– Кажется, задело, – коротко бросил юноша, отклоняясь от товарища и стараясь оценить ущерб от осколка, попавшего в предплечье правой руки. Из-под рукава показалась предательская струйка первой крови. Это плохо. Очень плохо. Внимательно посмотрел на мага. – В общем, слушай мою команду: в бой не вступать, магических заклинаний не плести, сознание не терять, стоять здесь и никуда не уходить! – встряхнул его за плечи, видя, что тот никак не отреагировал на его слова. – Лодар, справишься? – Маг долго всматривался перед собой, а затем неуверенно кивнул. – Вот и ладненько! Пожалуй, здесь уже все – опасности нет, – оценивающе осмотрелся, нахмурился. – Оставлю тебя ненадолго. Видно, что-то случилось, иначе они давно уже были бы здесь. Я быстро, – отвернулся и побежал, бросив напоследок: – А ты смотри у меня – не шали, иначе нам придется тебя отсюда тащить на себе.

Юноша смотрел в спину удаляющегося друга, отметив для себя, что правая рука безжизненно свисает вдоль его тела. Поднял руку и смахнул горячую влагу под носом, изумленно посмотрел на свои пальцы: кровь, вскинул голову и едва слышно проговорил в пустоту:

– Кажется, в любом случае сегодня вам меня тащить, – и потерял сознание.

Михей Сен-Латгал, воин-мечник, виртуозно владеющий парными клинками, а также подающий надежды некромант, лучший ученик самого Одуса Ведающего, ни на минуту не задумываясь об опасности, подстерегающей его в темноте, смело нырнул в узкий коридор. Согнувшись почти пополам и осторожно шаря ногами по земле перед тем, как поставить ногу, медленно продвигался вперед, откуда был слышен шум битвы. Он старался гнать тревожные мысли. Впереди замаячил свет.

Сделав еще пару шагов, он вдруг почувствовал за своей спиной присутствие... Остановился. Очень медленно стал поворачиваться. Мощный удар сбил с ног, припечатав к противоположной стене. Мгновение он еще стоял, а потом начал оседать вниз, распластавшись по земле, придавленный тяжестью тела напавшего. Тварь дернула ослабевшее тело на себя и подмяла под лапы. В какой-то момент Михей пришел в сознание и умудрился вывернуться из смертельного захвата, оказавшись лицом к противнику. Возле лица клацали зубы, мышцы рук не выдерживали напряжения, стараясь удержать голову монстра на расстоянии. Неимоверно болела спина, горело раненое предплечье. Предпринял попытку оттолкнуть от себя чудовище – ничего не получилось, попробовал закричать – голосовые связки отказывались слушаться. На лицо легла тень. Он с надеждой посмотрел в ту сторону.

– Тебе, что ли, помочь, или как? – раздался рядом насмешливый голос его друга и сокурсника Харона Деф’Олдмана, истинного оборотня, специализирующегося на боевых искусствах.

– А ты как думаешь? – едва смог проговорить Михей и тут же скорее почувствовал, чем увидел, как сильный удар сотряс тело противника. Туша безжизненно обмякла и завалилась на него, придавив своей тяжестью и перекрыв любую возможность самостоятельно выбраться. – Харон, ты что сделал? Немедленно сними с меня это!

– Не могу. Слишком тесно. А ты тоже, нашел место, где развалиться. – Харон едва сдерживал смех.

– Мне тут, между прочим, дышать нечем, – продолжал задыхаться Михей, – а тебе все хиханьки да хаханьки. Лучше скажи, как там дела у Касса?

– У Кассиана дела нормальные, уж точно лучше, чем у тебя. – Не удосужившись обратить должное внимание на возмущенное сопение из-под туши и уже несколько не скрываясь Харон откровенно смеялся в голос. – А то, что тебе дышать нечем, – так кто же в том виноват? Вот скажи: зачем в дырку полез?

– Как это зачем? Вам, дурням, помогать полез, – возмущенно пропыхтел Михей. Мертвое тело упорно дергали и тянули с него. На лицо капало что-то теплое. Он попробовал отодвинуться в сторону – результаты были минимальны. Такое ощущение, будто тебя придавила многотонная глыба.

– Ну и как? Помог? – Туша вдруг резко сместилась влево и поползла с него. Харон матерно выругался, за что-то зацепившись и приложившись головой о какой-то выступ в темноте. – Кстати, как там наш остроухий?

– Плохо. Он сейчас больше на упыря смахивает, а не на представителя «распрекрасной расы». – Михей поднялся, осторожно ощупал себя здоровой рукой. Голова кружилась, начала давать о себе знать обильная потеря крови. – И сколько можно говорить, не называй ты его так, не зли его. Надо щадить неустойчивую эльфийскую нервную систему. – Окончив тщательный осмотр своего тела, удрученно выдал: – Кажется, у меня еще и ребра сломаны! – Взгляд привлекла быстро приближающаяся к ним тень. – Касс, там все чисто?

– Чисто. – Юноша ухватился за тушу и поволок ее из туннеля, помогая Харону окончательно освободить проход. – Но надо срочно уходить отсюда. Лодар был прав, мы заблудились уже тогда, когда с самого начала пошли не по тому туннелю, думая, что сможем вернуться в любой момент к основной ветке. Могу сказать с уверенностью: эти коридоры не только не подвергались раньше зачистке, они даже не нанесены на карты.

– Ё-мое, ведь однозначно теперь влетит по самое «не хочу», – удрученно проговорил Харон, старясь пропихнуть застрявшую тушу в узкий проем. – Сначала влетит от Адагелия, а потом еще и от нашего препода. Вот дернуло же нас залезть сюда. – Он от души зачем-то пнул безжизненное тело. – Даже не знаю, кто хуже из них?! – Последнее высказывание относилось непонятно к кому.

Тело поддалось, освобождая проход.

Касс исчез, затем снова появился, неся в руках заплечные сумки товарищей и кое-какое оружие.

– Ну что, как возвращаться будем? Пойдем туда, откуда пришли, или, может, здесь? – махнул рукой на проход позади себя.

Михей поднял глаза, сглотнул.

– Это решим на месте. Для начала пошли за Лодаром. – Он поморщился. – Кстати, если я не ошибаюсь, там есть еще кто-то.

– В смысле? Ты о чем? – раздалось с двух сторон одновременно. От удивления Харон не удосужился даже прикрыть рот, а Касс выронил из рук сумки.

– Кто-то кричал в восточном туннеле. – Михей оперся левой рукой о стену. – Там ведь темно и ничего не видно, да и особо некогда было приглядываться, но ошибиться я не мог. Может, человек, может, даже ребенок, но определенно живой. Надо бы все тщательно там осмотреть и проверить.

Через какое-то время Харон возмущенно (так как был жутко недоволен, что именно ему пришлось ползти в узкий проход искать таинственного незнакомца) кричал, что не нашел ничего, кроме мертвого тела цигули. Михей в этот момент старался привести в чувство Лодара, а Кассиан собирал и упаковывал вещи и оружие друзей.

– Вот и посмотри под телом, – посоветовал Михей, устало опустился на землю и привалился спиной к мокрой стене. – А я пока немного посижу здесь. Что-то мне как-то нехорошо.

– Да ты, видно, издеваешься?! – Вдалеке слышались кряхтение и возня. – Э-э-э, кажется, нашел... – Тишина. – Ребята, здесь ребенок – мальчишка на вид лет двенадцати. Он, кажется, труп. – Затем удивленный возглас: – А может и не труп?! Не верю своим глазам: дышит, но этого просто не может быть. Эй, вы меня там слышите?

– Слышу, – мрачно ответил Кассиан. – Просто замечательно! – Голос звучал нерадостно. – Хватай мальчонку и давай сюда, иначе у меня сейчас здесь будет целых два трупа.

– Что, все настолько плохо? – Харон стоял уже за спиной, прижимая к груди завернутого в плащ мальчишку.

– Суди сам: у одного – полное истощение, а у другого – потеря крови. – Касс отклонился, давая тому самому хорошенько все рассмотреть.

Харон положил мальчишку на землю и принялся тщательно осматривать друзей.

– Касс, ты в состоянии наложить заклинание исцеления? – спросил он, тревожно осматривая Михея. – Что-то он совсем паршиво выглядит.

– Уже сделал, но ты сам понимаешь, здесь нельзя быть ни в чем уверенным, моя магия чужда ему и усиленно отторгается организмом. Все, что получилось сделать, так это только остановить кровотечение. Надо срочно выбираться отсюда. – Пристально всматриваясь в друга, спросил: – Нести двоих сможешь?

Тот кивнул.

– Обернешься?

– А как по-другому ты это себе представляешь? – Он поднялся, вздохнул и начал раздеваться. – Беру остроухого и найденыша, Михея тащишь ты?

– Может, я все же остроух...тьфу... Лодара понесу, он все же легче будет, а ты Михея? – с надеждой в голосе спросил Касс.

– Ладно, но ты тогда тащишь еще и мои вещи.

Касс закивал, отходя на расстояние и стараясь не мешать ему. Он никогда не мог уловить тот момент, когда Харон оборачивался зверем. Это всегда происходило молниеносно (вот что значит истинный метаморф – он мог по желанию даже частично обращаться, сам видел однажды на тренировках, но, видно, сейчас будет полное перевоплощение, плюс еще ко всему и наращивание дополнительной массы). Ему совершенно не требовалось предварительно перед этим раздеваться (но тогда вещи разлетались на маленькие кусочки), видно, сейчас стало жалко новые кожаные штаны. Кассиан усмехнулся, наблюдая исподтишка, как друг аккуратно складывает, а затем бережно укладывает свои вещи в заплечную сумку. А еще через мгновение он ломал голову над тем, как поудобней пристроить на широченную спину два обездвиженных тела и незаметно от носильщика туда же положить парочку сумок, пытаясь игнорировать грозный рык возмущенного животного. Промелькнула злорадная мысль: «Может, незаметно водрузить туда еще и эльфа?» Но животное окончательно заупрямилось, демонстративно повернулось к нему спиной и, недовольно скаля огромные клыки, прошлепало мимо него на выход.

Рано утром многие могли наблюдать странную процессию: по узким грязным улочкам со стороны бывшего бедняцкого района (вот уже много лет никто не селился и не жил в этом месте), находящегося далеко за охранной чертой города, сильно пошатываясь и поддерживая друг друга, брели двое молодых юношей. Одежды выдавали в них учащихся Академии магических искусств, яркие пурпурные плащи указывали на принадлежность к Ночному патрулю.

Вот уже полвека Ночной патруль каждую ночь систематически выходил на охрану территории города от нежелательных элементов и зачистку от всякой нежити и нечисти в нежилых районах. Состоял он в основном из адептов последних курсов – выпускников боевой Академии, сама же идея принадлежала градоправителю того времени, когда впервые был сформирован первый патруль. Академия исправно выполняла свой долг перед жителями города, на территории которого, собственно, и располагалась со своими многочисленными корпусами и зданиями, как город внутри города, внося свою посильную лепту и попутно оттачивая навыки и мастерство своих учеников в условиях, максимально приближенных к боевым. Хотя, что греха таить, за всю историю существования Ночного патруля вряд ли можно было насчитать хотя бы парочку неординарных дежурств: ночные смены всегда проходили спокойно и размеренно. Сами ученики не отказывались, но особо и не стремились к лишним ночным бдениям, но на запланированное дежурство выходили безропотно. Каждое такое патрулирование всегда поощрялось небольшой денежной оплатой от представителей городской власти, внеурочным выходным от Академии и добавочно ко всему этому – неограниченным почетом и уважением от самих жителей города, особенно от представительниц женской части населения.

Молодые юноши едва держались на ногах, чуть не на каждом шагу опасно балансируя на ровном месте и грозясь неминуемо рухнуть на землю. Рядом с ними гордо выхаживал огромный зверь, внешностью и размером больше напоминающий медведя или волка-переростка. Животное периодически останавливалось и принималось угрожающе рычать на своих попутчиков, когда те вдруг начинали опасно крениться то в одну, то в другую сторону. Терпеливо ожидал, пока друзья соизволят выровняться и возобновят свое движение дальше, и послушно двигался следом, осторожно подталкивая их вперед. На своей спине зверь бережно нес еще два тела – юношу и ребенка неопределенного пола и внешности.

Жизнь спасают сочувствие и милосердие, а также – само желание жить

Известие, что Ночной патруль не вернулся в положенное время, всполошило всю Академию. Цитариус Инарион (остальные многочисленные имена, следующие за основным, было не принято употреблять в обращении к великому), архимаг-всестихийник, ректор и основатель Академии, один из магов Великой Семерки беспокойно вышагивал в полупустом помещении, где находились лишь книги, по-хозяйски располагающиеся от пола и до самого потолка на украшенных резьбой деревянных стеллажах вдоль стен. Пытаясь справиться с тревожными мыслями и дурным предчувствием, он чутко прислушивался к любому шуму за пределами своего кабинета. Бесцельно покружив еще какое-то время, он остановился возле окна, всматриваясь в бескрайнюю синь неба и полностью погрузившись в свои тяжелые думы, и поэтому не сразу услышал, как в кабинет кто-то бесшумно скользнул. Вздрыгнул, когда чья-то рука бесцеремонно легла ему на плечо, но поворачиваться не спешил.

– Они только что прошли главные ворота. Один, Михей, ранен, большая потеря крови, у другого, Лодара, полностью выкачана магическая и жизненная сила, он истощен до предела и находится на грани жизни и смерти. – Говоривший тяжело вздохнул, увидев, как вздрогнул Цитариус при этом известии. – С собой они принесли чужого ребенка, шансов на выживание почти никаких. Полным составом проследовали в лазарет. Лекари оповещены и находятся на месте. Подробности Ночного патрулирования пока неизвестны. От вас будут какие-нибудь распоряжения?

Цитариус Инарион медленно повернулся к говорившему, впился пристальным взглядом в изменчивую темноту под капюшоном и застыл, впитывая в себя чужие зрительные образы, щедро посылаемые ему существом, стоявшим напротив. Вряд ли кто мог похвастаться, что когда-нибудь видел истинное лицо Адагелия Оторонталия – наполовину демона, наполовину мага, – истинного его друга и правой руки, мужа единственной его сестры.

– Спасибо, друг. Раз все живы, то это хорошие вести. Распоряжений не будет. Хочу сходить сам, посмотреть, как обстоят дела. Кстати, к Лодару надо срочно пригласить кого-нибудь из представителей его расы. Желательно найти хорошего «мага-проводника», вливать придется много энергии, отторжения нам

сейчас не нужны, – тяжело вздохнул и прошествовал мимо. – При ментальном контакте с тобой я почувствовал беспокойство и тревогу по поводу этого ребенка. – Он остановился возле дверей и взялся за ручку. – Тебе что-то не нравится? Ничего не хочешь сказать?

Адагелий Оторонталий серой дымкой молниеносно переместился от окна к дверному проему, с легкостью воспользовавшись разрыванием пространства, остановился напротив Цитариуса и тихо проговорил:

– Я не знаю, что мне сказать, это было всего лишь мимолетное ощущение, оно возникло само по себе и так же внезапно исчезло. Пошли, посмотришь сам на этого найденыша, возможно, ты, как и я, почувствуешь это и поймешь, о чем я говорю. – Он тенью проскользнул в коридор. – Вестника к Вилисии я уже послал, не беспокойся о Лодаре, он сильнее, чем иногда кажется. – Не оборачиваясь и ни на мгновение не останавливаясь, решил все же разъяснить: – Кассиан с Хароном на славу постарались, щедро накачали его своей энергией, так тот на радостях даже пришагал на своих ногах в стены Академии.

Цитариус смог бы поклясться, что услышал смех друга, сам же он не смог удержаться от удивленного возгласа. От такого известия спокойней не стало, он боялся даже представить последствия отката при использовании чужой энергии. Как же будущие выпускники не учли такую малость, как вред от использования чужеродной энергии? По-хорошему, надо было бы после такого устроить им повторный срез знаний, чтобы знали на будущее...

Они оказались в главном корпусе в междуурочный час – время, отводящееся на обед и отдых. Повсюду суетились ученики, сновали преподаватели, но стоило им показаться в коридоре, да еще вместе, как все расступались и отходили в сторону, давая дорогу и не задерживая движение. Тишина стояла звенящая. Когда они добрались до нужного корпуса, там кипела работа. В небольшом коридоре лазарета возле окна замерли в тревожном ожидании Кассиан и Харон. Юноши не сразу заметили вновь прибывших, пристально вглядываясь в створки закрытых дверей и чутко прислушиваясь к любым звукам. Не останавливаясь, даже не удосужившись взглянуть в сторону учеников, глава Академии быстрым шагом прошел мимо и исчез за дверью. Адагелий остановился лишь на мгновение, строго осмотрев с ног до головы (по крайней мере, так казалось по движению капюшона сверху вниз и обратно) вверенных ему учеников, строгим голосом проговорил:

– Хотел бы я знать, какого вас... понесло в неизвестные катакомбы, тем более на закрытые нижние уровни? – Увидев, как Харон решительно набрал в легкие воздух, жестом остановил его и уже более спокойно добавил: – Вам не следует здесь находиться. Немедленно отправляйтесь к себе и приведите себя в порядок. Через два часа вас ждут для подробного доклада в кабинете ректора.

– Но... – попытался было встрять в разговор Кассиан и был также бесцеремонно остановлен.

– Никаких «но». Выполнять! И чтобы глаза мои вас здесь сегодня не видели, – шипел демон, довольно поглядывая в спину улепетывающих без оглядки учеников.

– Можно подумать, у него есть эти самые глаза, – не упустил возможности для колкости Харон, переводя дыхание и стараясь обогнать Кассиана на повороте.

Кассиан понимающе посмотрел на друга, но решил воздержаться от комментариев, видя попытки Харона обогнать его, припустил еще быстрее и первым оказался возле лестницы. Остановился на площадке и победоносно посмотрел на отставшего друга.

– Я все слышу, – грозно прошелестел голос совсем рядом, заставляя Харона споткнуться и чуть не упасть на ступеньках. – У меня есть не только глаза, но и уши. – Голос обволакивал и завораживающе ласкал слух.

Харон, вцепившись рукой в плечо друга, удивленно посмотрел позади себя в сторону коридора. В коридоре никого не было. Округлив глаза еще больше, перевел взгляд на Кассиана.

– Нет, ну ты мне вот скажи, как он это делает?

– Не знаю. – Касс нервно дернул плечами, затем потянулся на носочках, чтобы самому рассмотреть коридор из-за плеча Харона, точнее, убедиться, что он пуст. Удивленно присвистнул, отцепил руку друга от своего плеча и повернулся к нему спиной. – И, кажется, не хочу знать. Пошли уже.

Адагелий Оторонталий бесшумно скользнул внутрь и обвел внимательным взглядом помещение, отмечая для себя не пришедшего до сих пор в сознание Михея, жуткую бледность Лодара и неподдельный испуг будущих целителей, учеников младших курсов, сбившихся в стайку и сейчас неуверенно жавшихся друг к другу. Пациенты размещались в подобии отдельных палат, отгороженных занавесями друг от друга, но были и закрытые палаты, для особо тяжелых случаев.

Цитариус тем временем методично обходил лазарет, поочередно останавливаясь возле каждой кровати, заботливо интересуясь состоянием здоровья каждого больного. Вот он на мгновение задержался возле Михея, одобрительно наблюдая за отлаженными действиями лекарей, удрученно покачал головой и проплыл дальше к кровати эльфа, неподвижно лежавшего все это время, но внимательно наблюдавшего за его действиями. Остановился напротив его кровати и какое-то время с любопытством рассматривал ауру лесного человека, затем схватил ближайший стул и устало опустился на него, переводя свой пытливый взгляд на лицо юноши. Лодар попытался привстать, но был тут же остановлен одним движением руки.

Адагелий хмыкнул, наблюдая за ними со стороны. Он так хорошо научился разбираться в характере друга, что был уверен: тот наверняка сейчас устроит допрос с пристрастием – вопрос-ответ, ничего лишнего. Ментальный контакт расценивался у свободолюбивых светлых эльфов как навязывание воли, как преступление против личности, и поэтому беседа обещала быть долгой.

Лодар О'ЛинМирилиель, крон-принц и единственное дитя одного из старших домов Светлого Леса, послушный чужой воле вел свой неспешный рассказ, иногда повторяясь по просьбе самого слушателя и периодически отвечая на уточняющие вопросы, придерживаясь в своем рассказе только сухих фактов. Когда повествование дошло до найденного в катакомбах ребенка, Лодар не смог вспомнить ничего вразумительного, было видно, что он сам удивлен и заинтригован этой новостью. Он даже нашел в себе силы, чтобы приподняться и посмотреть в ту сторону, где предположительно находился сейчас найденный ими ребенок.

В этот самый момент дверь распахнулась и в помещение вплыла ослепительная Вилисия. Она тут же безошибочно определила, в какой стороне находится ее родственник, и стремительным шагом направилась туда. Проходя мимо отдельной палаты, в которой лежал ребенок, она вдруг замедлила шаг, а потом

и вовсе остановилась, повернулась и даже сделала пару нерешительных шагов в ту сторону. Снова остановилась, встряхнула головой, решительно отвернулась и направилась к кровати Лодара. Адагелий удивленным взглядом провожал первородную: «Значит, не только я это чувствую. Очень интересно!»

Цитариус Инарион приподнялся, тяжело опираясь на спинку стула, и протянул руку в приглашающем жесте, тщательно скрывая ухмылку, увидев выражение ее лица после сканирования ауры будущего подопечного. Взгляд первородной говорил: «Ну и полечили!» Терпеливо ожидал, пока Вилисия неторопливо шествовала между рядами больных, снисходительно кивая на робкие приветствия младших, и отошел лишь тогда, когда она заняла его место на стуле возле больного. Сам же поспешно направился в палату найденного незнакомца, даже не оглядываясь на то, что происходит у него за спиной.

Вилисия не отводила пристального взгляда до тех пор, пока глава Академии не скрылся за дверью маленькой каморки, куда ее так неосознанно вдруг потянуло, как только она переступила порог лазарета. Перевела вопрошающий взгляд на Лодара, пытливо изучая его лицо. Юноша в ответ лишь пожал плечами, съезжая вниз и удобно устраиваясь на подушках, блаженно расслабляясь.

Первое, что бросилось в глаза, как только Инарион переступил порог палаты, это обеспокоенное и уставшее лицо всегда такой неспешной и размеренной Шельги Араи, полномостной хозяйки целебного крыла больничного комплекса и старшего декана факультета целительства и врачевания. Самые лучшие ее ученики беспомощно разводили руками и яро спорили между собой, в то время как она собственноручно обрабатывала специальным травяным раствором раны на спине ребенка и накладывала повязки с целебным бальзамом. Казалось, она полностью поглощена своим занятием, но стоило Цитариусу переступить порог маленькой палаты, как целительница не оборачиваясь обратилась к нему, заставляя всех замолчать одним лишь звуком своего голоса.

– Оставьте нас, – скомандовала она и терпеливо дождалась, пока последний из ее учеников не выйдет из палаты. – Мне очень жаль, – в голосе слышались печаль и сожаление, – но надежды мало. Ребенок в таком плачевном состоянии. – Она покачала головой, бережно переворачивая своего пациента на бок. – Посмотри на эти раны, – повернулась к нему и подняла свои невидящие глаза. – Это дитя ведь запороли почти насмерть, раны загнили, а теперь еще и свежие повреждения. И посмотри на ее голову. – Шельга внимательно наблюдала за выражением лица главы. – Даже не хочу думать, почему она такое

с собой сотворила или же за что это сделали с ней. Я как могла подровняла волосы, правда, получилось коротко. – Она недовольно сморщила нос. – Если бы она не была столь слаба физически, я могла бы с уверенностью дать шанс на выздоровление.

Цитариус при этих словах непроизвольно передернул плечами, приблизился к кровати и наклонился над ребенком. Какое-то время внимательно изучал раны на спине. «Ничего страшного, свойство целебных трав вместе с магией не оставят и следа от этих повреждений». Очень аккуратно перевернул тело и ухватился руками за край стола, чтобы не упасть – настолько поразил его вид ребенка, заставляя затрепетать все фибры его души от неправильности происходящего и недопустимости произошедшего. Он не мог заставить себя отвести взгляд от пушистых огненно-золотистых ресниц, ярко выделяющихся на перепачканном грязью лице. Как будто догадавшись, о чем он думал, Шельга наклонилась и оттерла влажной холстиной грязь с лица ребенка. Цитариус наклонился еще ниже.

– Ты ведь это тоже чувствуешь, да? – Он выпрямился и удивленно посмотрел на Шельгу Араи. – Даже твои бальзамы и травяные примочки не смогли забить ее запах. – Целительница едва заметно улыбнулась. – И эта странная двойственность ее ауры.

– Тьма и Свет – вместе. Удивительно, легенды говорят, давным-давно, до Великой Битвы, такое можно было наблюдать у каждого. – Он перевел изумленный взгляд на ребенка. Не услышав ответа на свой вопрос-предположение, поднял голову и посмотрел в лицо целительнице. – Что это? Снова свобода выбора?! – Цитариус нахмурился. Обеспокоенно посмотрел на целительницу. – Ребенок точно без сознания?

– При таких внутренних и внешних повреждениях нет никаких сомнений. Я вообще не понимаю, как он до сих пор жив. Старым ранам уже больше недели, они загноились и сочились, а вот это, – она указала рукой на обширную гематому в области груди, – указывает на внутренне кровотечение. Видно, был сильный удар. Ко всему этому множественные переломы ребер, перелом запястья левой руки, две рваные раны в области бедра правой ноги. – Она небрежно заправила за ухо выбившуюся прядь пепельных волос. – Не пациент, а сплошная огромная рана.

– Надо все равно попробовать. – Он посмотрел на целительницу. – Я помогу. –
Вздрогнул, услышав за спиной голос Вилисии:

– Я тоже помогу.

Он удивленно взглянул в ее лицо. Когда она успела войти, никто не заметил.
Женщина лишь развела руками:

– И даже не спрашивай меня о мотивах. Сама удивлена не меньше вашего.

За ее спиной выросла тень Адагелия Оторонталия. Цитариус перевел
вопрошающий взгляд на друга, тот в ответ лишь молча кивнул.

Мгновение они оценивающе рассматривали друг друга, затем не сговариваясь,
воодушевленные лишь только своей решимостью вернуть к жизни неизвестное
дитя, начали стремительно действовать. Шельга Араи и Вилисия отправились
подготавливать комнату для предстоящего лечения, Адагелий исчез из палаты,
чтобы накрыть больных пологом сна, а Цитариус тем временем бережно
спеленал ребенка и поднял на руки. Найденыш вздрогнул, и по его телу прошла
судорога. Руки сильнее прижали легкое тело к груди.

– Держись, малыш! – тихо просил Цитариус, ни на что не надеясь, и быстрым
шагом направляясь в палату, где его уже с нетерпением ждали.

6

Все, что ни делается в этом мире, делается к чему-то... или кем-то

Сквозь закрытые веки пробивался дневной свет. В воздухе витали пряные
ароматы лечебных трав. Вдалеке звучали приглушенные голоса, а рядом кто-то
мерно дышал и, судя по характерному монотонному звуку, что-то упорно толк.
Веки вздрогнули и с неохотой приоткрылись. Воцарилась тишина. Девочка
первым делом перевела взгляд туда, откуда шел звук, зная уже по опыту:
опасность там, где особенно шумно. Рядом находилась женщина, о чем
свидетельствовали тонкие, узкие кисти рук, украшения на пальцах и шелковый

наряд. Женщина замерла и повернулась в ее сторону, отставляя на соседний столик специальное приспособление для измельчения трав и специй – каменную ступу. Робея, девочка осторожно подняла глаза. Встретилась взглядом с незнакомкой. Вздрыгнула. Испугалась своей бестактности и почувствовала, что невольно краснеет. Она успела рассмотреть женщину. Незамысловатая прическа, тонкие красивые черты лица и невидящие глаза, затянутые белой пеленой, где полностью отсутствовал зрачок, но при этом не казалось, что женщина не видит. Она грустно улыбнулась и тихо проговорила:

– Не надо смущаться. За долгие годы жизни я уже успела привыкнуть к такой реакции, – подалась вперед, пощупала лоб, удовлетворенно кивнула. – Ну? Как мы сегодня себя чувствуем? – тепло улыбнулась, заметив приоткрытый рот и удивленно распахнутые глаза ребенка. – Меня зовут Шельга Араи, я здесь что-то вроде целителя, – совершенно не по-взрослому поджала губы и сморщила нос, усмехнулась каким-то своим мыслям и уже более серьезно посмотрела на ребенка. – Все хорошо, здесь ты в безопасности, – подошла к двери, приоткрыла дверь. – Геля, пошли кого-нибудь сообщить, что наш найденыш очнулся.

– Вдалеке прозвучал многоголосный изумленный возглас. Звук множества торопливых шагов приближался к палате.

Здесь – это где? Девочка непроизвольно вся сжалась и попыталась спрятаться с головой под одеяло. Женщина, заметив движение, тут же перевела взгляд на нее.

– Я ведь сказала, беспокоиться не о чем. – Она принялась заботливо расправлять складки на одеяле, вытаскивая поочередно из сведенных судорогой пальцев края материи, между делом поправила подушки и ласково пригладила растрепанные волосы. – Вот так уже гораздо лучше выглядит.

И в противовес ее словам вихор непослушных волнистых волос тут же вернулся в прежнее положение, топорщась пружинистыми кудряшками во все стороны, заставляя нахмуриться красивое лицо незнакомки. «Однако я точно перестаралась с подравниванием волос».

– Да уж... Надо будет потом подумать над этим, – произнесла она вслух и погрозила непонятно кому пальцем.

В палату заходили незнакомые люди, кто-то, считая своим долгом засвидетельствовать почтение выздоравливающей больной, а кто-то лишь затем, чтобы удовлетворить нездоровое любопытство. В итоге в тесном помещении народа набилось столько, что уже не было возможности свободно вздохнуть. Дети, подростки, юноши и девушки с неприкрытым любопытством разглядывали ее, как какую-то неведомую зверюшку.

«Что происходит? Где я?»

Она перевела взгляд на дверной проем: там толпилось не меньше народа, жаждущего зрелища и для себя. «Это всего лишь плохой сон». Она в ужасе оглядывалась, перебегая с одного незнакомого лица на другое. Задержалась на белых глазах незнакомки и на мгновение крепко зажмурилась. «Надо просто попытаться проснуться». С силой ущипнула себя. Тихо застонала. Удивленно распахнула глаза и от увиденной реальности снова попыталась залезть с головой под одеяло. «Я больше не могу! Если сейчас это все не прекратится – я закричу!» Положение спас величественный голос, прозвучавший откуда-то из коридора, но при этом услышанный всеми.

– Что здесь происходит? – Тишина. – Я так посмотрю, все разом вдруг забыли о своих обязанностях?!

Народ послушно двинулся к выходу, тихо переговариваясь между собой, толкаясь и мешая друг другу в узком дверном проеме, тем самым еще больше замедляя продвижение остальных. Ребенок от страха едва дышал в преддверии встречи с новой опасностью в лице страшного голоса, сумевшего с такой легкостью разогнать в считанные секунды толпу любопытствующих. Наконец в помещении осталась только она и целительница.

В палату вошел высокий худой человек. Встретившись с испуганным взглядом ребенка, запнулся и нахмурился, останавливаясь и о чем-то про себя раздумывая. Мгновение он изучающе рассматривал ее, затем подошел к кровати, оглянулся и встретился взглядом с целительницей, подтянул ближайший стул и грузно опустился на него.

– Как тебя зовут? – был первый его вопрос.

– Джим Ветерн, – шумно сглотнув, не раздумывая ответил ребенок.

– Сколько тебе лет? – Он сканировал ауру ребенка. Когда прозвучал ответ, брови его невольно сошлись на переносице, взгляд удивленно скользнул по ее лицу. Ребенок говорил правду. По крайней мере, верил в это.

– Не знаю, – честно призналась Джим, – может, четырнадцать? – проговорила шепотом и юркнула под одеяло.

– Не надо меня бояться! – Его лоб прорезали глубокие морщины. Он наклонил голову и как бы прислушивался к чему-то. – И вообще не надо больше бояться...никого и ничего! – очень аккуратно потянул из ее рук одеяло, которое она незаметно подтягивала все выше и выше. – У меня столько вопросов, что я даже не знаю, с чего начать! – наклонил голову, грустно улыбнулся. – Что же случилось с тобой, Джим Ветерн? Откуда ты? Что делал ребенок четырнадцати лет в брошенном районе, в сумеречном подzemелье, в закрытых катакомбах, о которых нормальный человек побоится даже думать, не говоря уже о том, чтобы рискнуть туда пойти? Как ты сумела выжить там? – перевел дыхание, тепло улыбнулся и ласково пригладил волосы на голове ребенка. – А самое главное, почему у такой симпатичной девочки имя мальчика?

Целительница скептически изогнула бровь и попыталась скрыть усмешку, когда непослушный вихор солнечных кудряшек встал на свое привычное место, а глава Академии удивленно округлил глаза.

– Джим Ветерн. Меня так зовут, – утвердительно произнесла девочка, почему-то страшно при этом разволновавшись. Снова потянула одеяло на себя. Увидев, как переглянулись между собой взрослые, быстро добавила: – Это мое имя. – Потом она наморщила лоб и долго молчала, а когда подняла глаза, они были полны слез. – И я не могу ничего больше вспомнить.

– Ничего страшного, Джим, – женщина запнулась, произнося странное имя, – Джими. Ты ведь позволишь, чтобы я так тебя называла? – Целительница успокаивающе погладила ее по плечу. – Так иногда бывает. Шок от случившегося. Со временем память восстановится, и ты непременно все вспомнишь.

Девочка долго молчала, о чем-то раздумывая, потом подняла взгляд на присутствующих и твердо проговорила:

– Нет, я – Джим Ветерн, – растерянный взгляд побежал по стенам палаты, – и другого имени я не знаю.

– Хорошо, – согласился высокий мужчина, строгим взглядом посмотрел на целительницу, – пусть будет Джим Ветерн. – Помолчал, задумчиво разглядывая ребенка. – Тогда поступим так: я расскажу тебе, Джим Ветерн, что это за место такое и как ты сюда попала. А еще я расскажу, как мы поступим с тобой.

Девочка замерла и даже перестала терзать одеяло, подняла глаза и в ужасе воззрилась на него: «Наверное, выгонят?»

Цитариус Инарион удовлетворенно кивнул, затем откинулся на спинку стула и начал свой неспешный рассказ.

Она узнала, что находится в престижной Рутонской Академии величественного города Рутона, что нашел ее ночной патруль в нежилом заброшенном районе сумеречного подземелья, в закрытых и магически запечатанных катакомбах. Сам факт ее пребывания там вызвал недоумение и бурные споры среди высшего руководства магического круга, непосредственно занимающегося вопросом безопасности и охраны периметра жилого города, и если бы не свидетели, словам которых просто невозможно не доверять, они ни за что не поверили бы в реальность произошедшего.

Она с удивлением узнала, что дважды пересекала тонкую грань, опасно балансируя между жизнью и смертью. Множественные переломы, внутренние повреждения не оставляли никаких шансов на выздоровление. Трое суток не отходя от кровати больной и не оставляя ее одну даже на минуту, за ее жизнь боролись четверо достойных магов, поочередно подменяя друг друга, щедро делились своими жизненными силами и подпитывали энергией искалеченное тело. Да, конечно, у нее еще будет возможность познакомиться с этими людьми (точнее – с нелюдьми), которые спасли ей жизнь, а также с теми, кто нашел ее, вынес из подземелья и принес сюда. Самое главное: отныне она находилась под защитой магического договора, а значит, была неприкосновенна. Какого договора? Стандартного договора, заключающегося с каждым учеником Академии. Да, она является теперь младшей адепткой Рутонской Академии. Оплата обучения производится в счет будущих услуг самой Академии и высшего магического сообщества. И нет никому никакого дела до того, кем она раньше была и как жила. Ее жизнь началась в стенах этого древнего замка с того момента, как маленькая капля ее крови коснулась зачарованного пергамента, и

до определенного времени всецело принадлежит теперь только Академии. А так как Академия находилась под многослойной магической защитой, то, находясь в ее стенах, ты еще становился и недосягаем для внешнего мира.

Удивленно хлопая золотистыми ресницами, девочка переводила взгляд с худого человека на изящную целительницу и не могла поверить в то, что только что услышала. Переспрашивать почему-то было стыдно. Колебалась лишь мгновение и вдруг твердо проговорила:

– Но у меня же нет никаких магических способностей, как же я буду здесь учиться?

Цитариус Инарион удивленно изогнул бровь, долго вглядывался в лицо ребенка, затем посмотрел на озабоченное лицо Шельги и твердо проговорил:

– Да, мы знаем, поэтому тебе придется особенно постараться, чтобы достойно носить на своих плечах цвета Академии, – улыбнулся он, и вокруг глаз разбежались морщинки, – неужели ты думаешь, что из этих стен выходят только одни маги?

Девочка кивнула.

– Ты заблуждаешься.

Во взгляде ребенка появилась твердость, и она уверенно ответила:

– Тогда я буду стараться.

– Тогда на сегодня все. Отдыхай, набирайся сил. Как только уважаемая наша целительница посчитает, что состояние твоего здоровья вполне удовлетворительно, приступишь к обучению. – Он поднялся и вышел из комнаты, жестом приглашая целительницу последовать за собой. Они скрылись с глаз.

Джим съехала на подушках и блаженно улыбнулась. Подняла руки и попробовала навести порядок на голове. На лицо набежала тень.

«Странно. Все же почему они такие короткие?»

Из-за дверей доносились приглушенные голоса. Она прислушалась. Не смогла разобрать ни слова. Выкинула из головы и улыбнулась.

«Просто не могу поверить, я – адептка Академии».

– Почему ты ей не сказал? – прозвучал вполне ожидаемый вопрос от целительницы, как только они вышли и оказались на приличном расстоянии от палаты.

– Так будет лучше для нее, – не оборачиваясь ответил Цитариус, увеличивая шаг. – Пусть она сама придет к этому, и желательно постепенно, а не сразу. – Остановился. – Тем более еще неизвестно, проявятся ли вообще какие-нибудь способности, – подошел к ней и взял за руки, тяжело вздохнул. – Ты сама все видела: ее тело истязали, волосы обрезали. Ее за что-то наказывали. Но наказывали столь бесчеловечным образом, что мне даже страшно помыслить, как она вообще смогла через все это пройти и после всего еще и выжить. Кто это сделал и за что? Возможно, мы об этом никогда и не узнаем. Зато нам представляется уникальная возможность – исцелить душу, заживить раны, излечить тело. Научить эту девочку снова радоваться, доверять людям, да и просто быть ребенком. Ну а если вдруг все же наступит такой момент, когда ей придется выбирать...что ж, тогда будем надеяться, что она сделает правильный выбор, – наклонил голову и грустно улыбнулся. – Тьма или Свет – это ведь необязательно всегда то, чем изначально мы привыкли их считать. – Он заметил, как дернулась Шельга при этих словах, сочувственно похлопал ее по плечу. – Сколько таких случаев история хранит в своей памяти? Главное правило жизни: все, что ни делается в этом мире, делается к чему-то, и нужно всего лишь время, чтобы это понять. – Он отпустил ее, отвернулся и вышел за дверь.

Шельга Араи, целительница, маг, дочь могущественного друида Алакора не просто знала такую историю, а была одной из тех, кто отчаянно и безнадежно любил одного из таких представителей Тьмы, являясь ярким представителем другой стороны – Света.

Джим Ветерн беспокойно теребила край одеяла и посматривала на входную дверь. На мгновение накатило необъяснимое чувство тревоги.

«Нет никакого повода для беспокойства. Такие добрые люди просто не могут быть плохими! А значит, определенно есть чему порадоваться!»

7

Любые порывы души – это всего лишь порывы, и иногда они правильные, а иногда – нет

«И вовсе нечему здесь радоваться!»

Джим Ветерн стояла с потерянным видом посреди просторного холла и тоскливо взирала на снующую с умным видом толпу учеников. Все куда-то спешили, все были чем-то озабочены, у всех были свои неотложные дела, а самое главное – все свободно ориентировались в этих бесконечных корпусах, коридорах, этажах, переходах, классах, аудиториях, будь они неладны. Вот уже месяц как она посещала занятия, точнее, она пыталась их посещать. Ни одна лекция для нее еще не началась вовремя, а это значит: каждый раз выговор от очередного декана, дружные насмешки от всего класса и постоянное недосыпание в погоне восполнить в ночное время (когда все нормальные ученики спят и набираются сил) недостающие конспекты. И даже не это самое трудное, сложно было найти свободный конспект, по которому в данный момент никто бы не занимался, а с учетом того, что приходилось блуждать в чужом, неведомом для нее корпусе, такое, казалось бы, незначительное действие становилось просто невыполнимым.

За все время ее пребывания в стенах Академии удалось запомнить лишь два маршрута, и при этом очень хорошо, почти с закрытыми глазами. Это дорога в столовую и более-менее дорога к своей комнате. Хотелось бы отметить, что комната, в которой она сейчас жила, была уже третьей по счету. Как-то с самого начала не задалось найти общий язык с соседкой первой комнаты, а следом и с хозяйкой второй.

Первой оказалась красноволосая хрупкая девочка с правильными чертами лица, изящными манерами и кучей всевозможных родственников, тоже учащихся на данный момент в академии. Звали ее Алисией. Скромная, молчаливая, как тень, ее не было ни слышно, ни видно и со временем они наверняка смогли бы найти общий язык. Кстати, из-за непонятного внешнего вида и странного запаха подселенной соседки, точнее, отсутствия онога, именно ее родственники и поспособствовали скорому переводу Джим в другую комнату.

Вторая девочка, мужеподобная и вечно недовольная великанша (хотя, может, такой она казалась только Джим с ее небольшим ростом), Дориана, не стала даже вникать в подробности, к какому полу относится сей лохматый индивидуум, притащившийся в ее комнату и бесцеремонно посягнувший на ее территорию, просто вытолкала ее в зашей, и все. Правда, она закатила истерику с привлечением своих не менее влиятельных родственников, выдвинув ультиматум по поводу обещанного единоличного проживания в данном помещении, что было выполнено незамедлительно. С ней-то уж наверняка никогда она не смогла бы поладить (Джим грустно улыбнулась), потому что невозможно доверять кому-то, кого боишься до демонов, а именно это чувство возникало каждый раз, когда она случайно сталкивалась с Дорианой мимоходом в коридорах, классах, столовой.

Кстати, для самой Джим стало полной неожиданностью, что в Академии все как один считали, будто она мальчик. Что тому явилось причиной – неизвестно, а что-то кому-то объяснять или доказывать не было никакого желания. Может, необычное имя, но ей не виделось в нем ничего необычного, а может, и нелепая короткая стрижка. Но она не могла даже представить себя с длинными волосами и почему-то каждый раз холодела от ужаса, пытаясь что-то вспомнить. От целительницы она узнала, что волосы обрезают лишь в двух случаях: когда скорбят по близкому человеку или же когда смертельно больны. Был вроде бы и третий вариант, но о нем Шельга не захотела рассказывать, сердито поджав губы и коротко бросив: «А это тебе знать не надо». Сердце тревожно сдавило в груди. «Может, я как раз и потеряла близкого, родного человека, потеряла и напрочь забыла об этом и сейчас живу себе дальше, ни о чем не тревожась, или еще хуже – я как раз тот самый третий случай, о котором даже сказать вслух не хотят».

Всю пятерню запустила в волосы и тщательно их подергала, пытаясь уложить вниз, обвела внимательным взглядом холл, медленно, но верно пустеющий, в надежде увидеть хоть одно знакомое лицо со своего факультета, лелея

коварную мысль незаметно пристроиться за ним и так попасть на следующий урок. Она снова непроизвольно пригладила непослушные волосы. Бесплезно: волосы светлым золотым нимбом встопорщились вокруг головы, не желая приглаживаться ни на сантиметр. Нахмурилась, провожая унылым взглядом двух весело щебечущих незнакомых девушек. «Конечно, пока добираюсь сюда из этого вспомогательного Б, уже все знакомцы разбегаются по классам».

Вот так и вышло, что Джим теперь жила одна в маленькой комнатке на третьем этаже, в крыле обслуживающего персонала вспомогательного корпуса Б. Что значит «вспомогательный корпус Б», она так и не смогла дознаться. Поначалу было трудновато бегать в отдаленный корпус по крутой лестнице несколько раз на дню, но со временем она перестала замечать эти трудности. На лестничных пролетах она часто сталкивалась с этим самым обслуживающим персоналом, поначалу чуралась их, потом стала узнавать, а дальше так и вовсе приветливо здороваться и помогать. Она никогда не могла равнодушно пробежать мимо человека (в основном, правда, вовсе не человека), нагруженного и едва идущего по узким крутым ступенькам. Сначала предлагала помощь, а потом уже просто выхватывала из рук корзину, сумку или же просто стопку отглаженного белья и бежала вверх или вниз. Для нее это было не трудно, а кому помогала – приятно.

Джим проследила взглядом за пожилым грузным мужчиной, который, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, прошел мимо нее. «Да это же... ммм... как его там... преподаватель по естествознанию. А у меня как раз сейчас его предмет. Вот удача!» Не раздумывая побежала следом. Главное теперь – не потерять его из виду. Она завернула за угол и столкнулась с незнакомцем. Книги и письменные принадлежности разлетелись по полу в разные стороны, а сама она со всего размаху приложилась пятой точкой об пол. Медленно подняла глаза и в ужасе замерла. Перед ней стоял будущий выпускник Академии с синими (самыми почетными) нашивками Ночного патруля на правом рукаве серебристого пиджака факультета магов-менталистов.

Юноша наклонился к ней и по-хозяйски схватил за воротник форменного пиджака. Отметил про себя, что пиджак без каких либо опознавательных знаков и нашивок (привычный для только начинающих свое обучение адептов-первокурсников), встряхнул ее и поставил на ноги перед собой. Потянул носом воздух, прищурился и неожиданно спросил:

– Я тебя знаю?

В ответ она отрицательно замотала головой, кинув взгляд за его плечо, в надежде еще увидеть там ковыляющего преподавателя естествознания. Коридор был пуст.

- Наверное, мы все же встречались?!

Джим могла поклясться, что на мгновение зрачки у стоявшего напротив студента стали вертикальными, узкими, и он снова беззастенчиво потянул носом в ее сторону.

- Определенно, мы где-то раньше уже встречались. Я не могу ошибаться.

Все были осведомлены о том, что в Рутонской Академии может учиться представитель любой расы, и Джим не была исключением, но, увидев его зрачки, она невольно вздрогнула, отступая на шаг и оглядываясь по сторонам.

- Ты чего такой дерганый? - Незнакомец поднял с пола ее сумку и сам стал закидывать в нее книги с тетрадями. Потом более задумчиво: - Интересно, почему мне так знаком твой запах?

Джим наклонилась и быстро подобрала остальные свои вещи и письменные принадлежности. Выхватила из рук незнакомца сумку, беспорядочно запихнула все туда и закинула себе на плечо. Благодарно кивнула и попыталась обойти его. Незнакомец ухватил ее за плечо и развернул лицом к себе.

- Слышь, пацан, ты что, глухонемой, что ли? - Джим снова отрицательно замотала головой. - Тогда что? - окончательно разозлился незнакомец.

- Опаздываю, - тоскливо посмотрела на опустевший холл и удрученно добавила: - Точнее, уже опоздал, - и почему-то покраснела до корней волос.

- Понятно. - Он наклонил голову и вдруг удивленно приподнял брови. - Что, еще не ориентируешься? - Почему-то было ужасно стыдно признаваться в этом, но она все равно кивнула. Он сочувственно посмотрел на нее. - Какой предмет? Нет, подожди, сам угадаю. - Он прищурился, вспоминая, кто до столкновения прошел мимо. - Ага, естествознание?! - снова кивок. - Пошли, провожу тебя.

В это было невозможно поверить: она мчалась со всех ног по пустому коридору, ведомая будущим выпускником Академии. Старалась не смотреть на него, но взгляд так и привлекали синие нашивки на рукаве. Совершенно не поняла, когда оказалась возле дверей нужной аудитории, и не успела даже поблагодарить незнакомца за оказанную услугу, как он насильно втолкнул ее в кабинет. Аудитория взорвалась смехом, когда, ввалившись, она чуть не сшибла с ног мальчишку, стоявшего возле входа.

Декан шикнул, и воцарилась мертвая тишина. Он поднялся с кресла и прошелся вдоль расписанной убористым почерком школьной доски. Остановился. Посмотрел на опоздавших и тихо проговорил:

– Еще мгновение назад я был искренне удивлен посещением своего предмета будущим светочем нашей Академии Виттором Деф’Олдманом, крайне занятого и вполне все знающего и без моих занятий. Но сейчас я с уверенностью хочу заявить: это счастливейший день в моей жизни. – Его кустистые брови сошлись вместе на переносице, глаза злобно буравили. – У меня на уроке сам Джим Ветерн и всего-то с опозданием в несколько минут.

При этих словах мальчишка, все это время неподвижно стоявший перед ней, оглянулся и очень серьезно посмотрел на нее, и она смогла его разглядеть. Длинные красно-каштановые волосы искусно были заплетены по всей голове и плавно переходили в косу сложного плетения. Все лицо покрыто веснушками. Глаза цвета светлого янтаря смотрели открыто и в упор, но во взгляде не было ни осуждения, ни любопытства, скорее всего – сочувствие. Полнейшей неожиданностью стала его улыбка, такая добрая и искренняя, как если бы они давным-давно друг друга знали и сейчас по воле случая просто встретились в непонятном месте, где пришлось неожиданно выслушать привычную слуху отповедь за очередную совместную проказу. С лица юноши сползла улыбка, он еще раз оценивающе оглядел с ног до головы вновь прибывшую и отвернулся.

Джим удивленно открыла рот, буравя взглядом его спину, прямые плечи, длинные волосы. Перестала прислушиваться к словам преподавателя и не заметила, как им разрешили пройти и занять свои места. Осторожно пробираясь по узким проходам между рядами через лес выставленных ног, добрела до своего стола (ни разу не запнувшись и не упав) и опустилась на стул. Достала конспект. До конца урока она едва могла сосредоточиться, что-то писала, не вдумываясь, и незаметно наблюдала за мальчишкой, благо, сидел он почти рядом. За столько времени, что она находилась здесь, это было первое

проявление хоть какой-то симпатии к ней со стороны однокурсников. «Почему я его раньше не видела?»

Следующим по списку шел урок «Вводный курс по самообороне». Сегодня он был впервые. Небрежно побросав свои вещи в сумку, она влилась в поток и без происшествий добралась до нужной аудитории. Разделившись на две группы, девочки и мальчики вошли в отведенные для них помещения. Там им выдали специальную форму, строго подобранную пожилой женщиной для каждого индивидуально по размеру. Переодевшись в специальных отдельных кабинках, студенты вышли в общее помещение и исподтишка поглядывали друг на друга, едва сдерживая смех. Возможно, это было удобно и практично, но выглядело откровенно глупо. Джим осмотрела себя с ног до головы, хмыкнула, разглядывая острые коленки, торчащие из-под коротких штанишек, бросила взгляд в сторону великанши. Дориана безумно осматривалась:

– Ни за что в таком наряде не выйду отсюда!

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, заставив всех вздрогнуть. В проеме стоял приземистый широкоплечий мужчина, хищно скалясь и злобно оглядывая собравшееся общество.

– Ну! И долго мне вас ждать? – Перевел взгляд на Дориану. – Не только выйдешь, а вприпрыжку побежишь, радуясь, что хоть кто-то взялся тебя, неуча, научить хоть каким-то азам самозащиты. И в следующий раз будь добра стоять на построении первой, иначе из-за тебя поплатится весь класс. Понятно? – Дориана стояла с открытым ртом. – Вот и умница. А теперь марш все в зал!

Испуганной стайкой все ринулись к выходу, сталкиваясь и мешая друг другу. Джим аккуратно продвигалась по стеночке, боясь даже поднять голову и посмотреть, стоит ли там еще явление, именуемое новым деканом неведомого предмета, от знакомства с которым однозначно не стоит уже ждать ничего хорошего. Когда она уже добралась до выхода и готова была переступить порог, ее схватили за шкуру и с легкостью приподняли. Мгновение она в ужасе рассматривала свои дергающиеся в свободном полете ноги, а потом вдруг осознала, что ее небрежно зашвырнули в зал, не дав даже достойно войти самой. Приземление было жестким. Из глаз брызнули непрошеные слезы. Она попыталась встать и не смогла сделать это с первого раза... и со второго тоже. Удивленно посмотрела на свою обувь. Да что же со мной такое? За спиной услышала злобный рык и невольно ускорила.

– Да к демону все! С чем мне приходится работать? Понабрали тут хилаков-задохликов. Как, скажите на милость, из этого можно сделать хоть жалкое подобие воина? – Джим была уверена, что в этот момент его перст осуждающе указывал в ее сторону. Захотелось немедленно заползти, спрятаться куда-нибудь, что она не преминула сделать, так и не рискнув выпрямиться: ползком потихоньку переместилась за спину великанши и снова попробовала встать на ноги. – Да помогите же кто-нибудь принять вертикальное положение этому недомерку!

Кто-то подхватил ее и поставил на ноги, бережно поддерживая и не давая снова позорно свалиться на пол. Она сквозь слезы посмотрела на своего спасителя. Рядом стоял Виттор. Он очень сосредоточенно смотрел на преподавателя, а на щеках ходили желваки.

– Ага, злость! Это хорошо! Это просто замечательно, молодой человек. – Задумался, еще раз обвел цепким взглядом собравшуюся аудиторию. – С тебя, пожалуй, и начнем наш вводный курс и первый урок. Имя?

– Виттор Деф’Олдман, – представился юноша.

Джим могла поклясться, что при звуках его имени мужчина сначала удивился, а потом разозлился. Пристальный, очень внимательный осмотр с ног до головы, а потом эта хищная улыбка во весь оскал... и явное наличие там самых что ни на есть настоящих клыков.

– Прошу вас, Виттор Деф’Олдман! Окажите честь! Такую фамилию надо носить с гордостью. Харон Деф’Олдман, я так понимаю, ваш старший брат?!

Кивок юноши и неподдельная радость преподавателя.

Джим почувствовала, что осталась без опоры, и тут же беспомощно уцепилась за ближайшего соседа. Выровнялась, повернулась лицом к залу и проследила обеспокоенным взглядом за уверенно идущим к центру однокурсником.

– Обращаться ко мне будете исключительно Диирде’Грамм, большего вы пока недостойны знать обо мне. И учить вас буду тому, как постоять за себя, за своего друга, за близкого вам человека без применения магии, оружия и каких

либо защитных талисманов. Зачем это нужно? – Он удовлетворенно наблюдал за худеньким мальчишкой, уверенно идущим в его сторону с гордо поднятой головой под испуганными взглядами неровного строя новобранцев. – Да затем, что может оказаться так, что в какой-то момент у вас не будет ни магических сил, ни человеческих, я уже не говорю о такой роскоши, как хоть какое-то оружие и спасительные талисманы. Скажете, такого не случится?! Случится! Всегда случается. И умираете потом исключительно по собственной глупости, знаемой как излишняя самоуверенность, – повернулся вполоборота к классу и согнул ноги в коленях, устойчиво развернул ступни, привстал на носках. – Пожалуй, начнем. Правила боевых искусств гласят следующее: первое – будь собран и сосредоточен. Мышцы слегка напряжены, руки и ноги должны быть слегка согнуты в суставах, чтобы дать тот необходимый заряд энергии для удара, который может потребоваться в одно мгновение при переходе к бою. Второе – не стоит никогда недооценивать противника. Третье – никогда не выказывать перед противником свой страх.

Он скользнул навстречу юноше.

– Главная цель самообороны – как можно быстрее вывести противника из строя, этого вполне можно достигнуть за счет скорости ваших движений и своевременного нежданного удара. Поверьте мне, здесь не нужна сила, техничность – да, но не сила. Я видел, как тщедушный человечиска с легкостью мог уложить на обе лопатки тролля одними голыми руками. – Хищно улыбнулся. – Спросите, как такое возможно? Отвечу: силу возьмете у своего противника. Помните, ваши удары должны быть плавными. Плавные удары принесут больше пользы, чем реверсивные[2 - Реверсивный – удар с применением реверса, то есть возврата бьющей руки по траектории удара.]. И самое главное, – он сделал паузу, – атаковать нужно до того, как противник предугадает ваши действия.

И они одновременно кинулись друг на друга. Джим затаила дыхание и вся подалась вперед. Она даже не поняла, что сосед, на котором она за миг до этого безвольно висела, сейчас больно вцепился в ее руку. То, что происходило сейчас в центре тренировочного зала, было просто невероятно. Казалось, юношу сейчас снесет, раздавит силой и мощью этого человека (точнее, совсем не человека), но в последний момент мальчишка вывернулся и ушел от прямого удара. В зале стояла звенящая тишина. Все понимали: поймай декан сейчас юркого мальчишку – и наказания тому не избежать.

– Да, и еще, не менее важное: если правильно и своевременно оценить свои шансы на победу, то это однозначно продлевает жизнь. – Мужчина совершенно не сбился с дыхания, и казалось, даже получал удовольствие, гонясь за мальчишкой по залу. – И конечно же, если твой противник сильнее тебя – беги.

Учитель остановился, прищурился и молниеносно переместился из одного места в другое. Создавалось впечатление, что он исчез в одном месте, молниеносно выныривая рядом с учеником и перехватывая его в прыжке (а может, так всего лишь показалось – настолько стремительным был его следующий бросок). Используя лишь инерцию его тела, перебросил через себя, выворачивая на излом кисть руки, и удовлетворенно хмыкнул, когда в тишине раздался хруст сломанных костей.

– Вот так, без каких-либо усилий, – в аудитории стояла звенящая тишина, он удовлетворенно обвел взглядом испуганные лица учеников, – играючи можно вывести любого противника из строя. Если это маг, то он уже не сможет сплести ни одного заклинания. Если же это профессиональный убийца – не будет точности ни в ударе, ни в метании оружия. Если же это не человек, который обладает даром быстрой регенерации, – взгляд сверкнул желтыми всполохами, – то тогда придется периодически уделять внимание своему поверженному врагу и раз за разом методично ломать тому руки, можно заодно и ноги.

За спиной раздался приглушенный стон. Мужчина удивленно повернул голову. Пошатываясь и поддерживая здоровой рукой сломанное запястье, парень медленно поднялся и выпрямился, гордо вздернул подбородок и в упор посмотрел ему в глаза.

Джим покрылась липким холодным потом. Учитель метнулся к нему и провел серию легких ударов. Мальчишка безвольным кулем повалился к его ногам. Он находился в сознании, но едва сдерживался, чтобы не застонать от боли.

– Самое главное – не геройствуйте, этого никто никогда не оценит и не поймет. А я так вообще это не приемлю. – Посмотрел вниз. – Лежи и отдыхай, после урока сходишь к целителям. Они тебя быстро приведут в порядок. – И в ту же секунду (никто так и не понял, что же произошло) рухнул как подкошенный, растянувшись рядом со своим учеником. – Ах ты, мелкий паршивец! Да я ж тебя!

Парень с легкостью ушел от захвата, увернулся от очередного удара и каким-то непостижимым образом оказался на спине, вцепившись мертвой хваткой всеми конечностями в шею и плечи учителя. Стараясь освободиться, мужчина предпринимал попытку за попыткой, нанося беспорядочно удары по телу ученика, но все было тщетно.

Джим прикусила губу до крови, огляделась. Затаив дыхание, класс наблюдал за безумным действием перед их глазами, по-другому называемым демонстративно-показательным избиением. Ее кто-то больно толкнул. Обернулась. Высокий темноволосый мальчишка болезненного вида, все это время тихо стоявший рядом, растолкал ряды и бросился в сторону дерущейся пары. Не раздумывая, с разбегу повис на шее учителя с другой стороны.

Мужчина не удержался на ногах, и они втроем рухнули на пол.

– Ах так?! – Он вывернулся, дотянулся до рук новоприбывшего и постарался расцепить их. – Вы вообще соображаете, что делаете? Да если бы не этот чертов запрет на... – Удар, хруст костей и тихий стон. – Убью же... а нельзя в полную силу... ведь правда убью, – оскалился, зарычал. – А в принципе, не жалко, на то у нас и целителей целый штат водится. – Преподаватель что-то бурчал себе под нос.

Кто-то с криком выбежал из аудитории. За ним следом еще двое. За спиной громко возмущались. Вперед подалась Алисия, пробравшись в первые ряды и игнорируя толчки со стороны недовольной девицы, которой она закрыла обзор. Джим узнала ее длинные волосы с таким характерным огненным оттенком и специфические нашивки цветов ее клана на форме.

Пытаясь вырваться, декан клубком катался по земле, неоднократно пробовал встать на ноги, падал, постепенно перемещаясь с середины зала в сторону перепуганных зрителей. Джим посмотрела вправо, влево, зачем-то вниз на непривычную и неудобную обувь на ногах, по своему виду больше напоминающую носки из кожи... Еще раз осмотрела рядом стоявших учеников и, довольно грубо растолкав локтями впереди стоявших зрителей (и не придумав ничего умного), не раздумывая запрыгнула на кучу-малу, состоявшую из тел, рук, ног учителя и двух учеников. Вцепилась руками в то, что попало первым, а попалась шевелюра учителя. Получила ощутимый тычок в ребра, едва перевела дыхание и в ужасе увидела, как мужчина в этот момент ухватился за сломанное запястье Виттора, попутно тыча кулаком в голову другому

мальчишке. Парень едва находился в сознании, горящим взором глядя ей прямо в глаза. Она дернулась, переместилась влево и вцепилась зубами в плечо учителя. Надо сказать, качественно так вцепилась, так как мужчина тут же охнул и как-то сдавлено запыхтел. Отпустил запястье ученика, дотянулся до своего обидчика и схватил Джим за волосы, удовлетворенно урча и подтягивая к себе. В этот момент все ощутили тяжесть еще одного тела. Джим удивленно покосилась на неожиданную помощь. Рядом с ней, но только с другой стороны, висела Алисия. Девушка, будто бы извиняясь, посмотрела на нее, улыбнулась и вцепилась зубами в другую руку.

– Это что же творится? – возмущению учителя не было предела. – Заговор! Бунт! Козявки мелочные, на кого руку... ногу... зубы поднимаете? Да я вас... будете неделю дерьмо из-под даргов[З - Дарг - огромное вьючное животное.] грести... месяц... нет, два! Вот сейчас только... Ах, Тьма! – Речь перемежалась отборной руганью на нескольких языках. Мужчина снова попытался подняться на ноги, не устоял под тяжестью «ожерелья» из трепыхающихся учеников и рухнул на пол. – Пользуетесь положением, что мне нельзя вас всех тут сразу поубивать? Так это вы зря, у нас, помимо целителей, еще и целый штат некромантов имеется.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы из пространственного телепорта посреди зала не появился Цитариус Инарион. С ним вышло необычное существо, закутанное с ног до головы в черный плащ. С ними был один из сбежавших адептов этой группы, испуганно сейчас выглядывающий из-за спины Цитариуса.

– Что тут происходит? Немедленно прекратить это безобразие! – прозвучала команда, и адепты с адептками благополучно ссыпались с преподавателя на пол. Учитель по самообороне, постанывая и потирая покусанные места, поднялся на ноги. Внимательно осмотрел лежащих учеников, запоминая каждого и мысленно обещая неминуемое возмездие, перевел взгляд на главу Академии и твердо сказал:

– Требую для них наказания. Карцер для каждого на неделю.

– Ты прекрасно знаешь, что у нас нет карцеров, – устало проговорил Цитариус, удивленно разглядывая девочек-подростков. Алисия испуганно пискнула и спряталась за спину Джим.

– Значит, стоит уже ввести! – сорвался на крик мужчина. Обернулся и застыл. Виттор сам поднялся на ноги и сейчас поднимал худощавого мальчишку. Тот едва смог бы без помощи удержаться на ногах хотя бы мгновение, а на его лице уже сейчас медленно расплывался огромный черный синяк вдоль всей щеки. – Как, спрашивается, по-другому вдолбить в эти упрямые головы уважение к старшим?

– Однозначно, не ломая кости в первый же день знакомства с ними, – прошелестел как ветер голос из-под капюшона черного плаща.

Диирде'Грамм с открытым ртом изумленно уставился в переменчивую темноту под капюшоном.

– Я бы попросил вас... не подрывать мой авторитет перед аудиторией! – прорычал взбешенный учитель.

Черный плащ качнулся навстречу ему.

– Уважаемый, а здесь и подрывать-то уже нечего.

– Адагелий! Диир! Прошу вас! – Цитариус быстрым шагом подошел к адептам, наклонился вперед и рывком поставил на ноги Джим. – Я не понимаю, ты-то каким образом в этом замешан?

Джим испуганно посмотрела на главу Академии. Отвела взгляд. Пробежалась по лицам адептов вокруг себя в поисках ответа или поддержки, а затем пожала плечами.

– Не знаю. Само как-то вышло, – решила, наконец, честно сознаться она.

– Ко мне в кабинет. Все! – Цитариус перевел взгляд на черный плащ. – Адагелий, я бы был признателен тебе...

Не успел он договорить, как тот лишь едва кивнул. И тут же на глазах у всех перед ними материализовался портал. Первым Цитариус пригласил пройти учителя по самообороне, следом нырнул сам, заключающим шел черный плащ. Остановился, обернулся и тихо прошелестел:

– А вы, друзья мои, ножками.

Джим могла поклясться, что тьма под капюшоном в этот момент улыбалась.

«Хотя как Тьма может улыбаться?! А тьма ее знает как!»

За спиной прозвучало чье-то тихое «О-е!».

Последующие два часа они сначала выслушивали нотации и угрозы в адрес их рук, ног и зубов от взбешенного Диирде'Грамма, затем слушали зачитание жутким старческим голосом из стеклянного шара свода основных правил поведения молодых адептов и адепток в Академии, затем был бесконечный выговор от молодого декана. Оказывается, он являлся наставником и ответственным лицом за их группу со звучным названием «бестолочей и тупиц» (имя его оказалось очень запоминающимся – Кайдан как-то там). И под конец все были «ласково» отправлены из кабинета главы Академии (который так и не появился) к целителям таинственным черным плащом, снова возникшим из ниоткуда.

Джим тщательно осмотрели старшие целители, а затем и врачеватели. Не найдя каких-либо серьезных повреждений, передали на попечение совсем юной девушке, начинающему врачевателю. Джим попробовала было по-тихому сбежать, но была тут же поймана этим самым врачевателем и водружена на высокий табурет. Сие юное целительское дарование самозабвенно расписывало руки и ноги Джим, нанося на ссадины цветную, сильно пахнущую жидкость (которая, кстати, еще и невероятно жглась), и весело что-то щебетала себе под нос. Джим, смирившись с неизбежным, в этот момент тщательно прислушивалась к еле слышному разговору за спиной и нескромно разглядывала удивительной красоты девушку напротив, которая в этот момент всецело была занята осмотром Алисии.

Шельга Араи охала и ахала, тихо выговаривая Виттору за быструю и неуместную регенерацию клеток, а сказочная красавица периодически поднимала свой томный взор и заинтересованно посматривала на Джим. Джим быстро отводила взгляд, но ничего не могла с собой поделать, снова и снова исподтишка поглядывала в их сторону, время от времени нервно приглаживая свои

топорщащиеся в разные стороны волосы. Пару раз она встречалась взглядом и с Алисией, но та скромно отводила взгляд первой и почему-то краснела.

«Ага! Наверное, осознала, чего наделала, и теперь ей ужасно стыдно! А мне самой стыдно?»

Джим хмыкнула, вновь привлекая к себе внимание красавицы. Потупила взор и вдруг увидела свои разукрашенные руки и ноги. Возмущенно посмотрела на юную целительницу, та, перехватив на себе взгляд, небрежно бросила «чтоб наверняка» и отправилась на поиски других нуждающихся в экстренном лечении пациентов.

Джим похолодела, услышав, как стонет Виттор, но боялась даже обернуться посмотреть в ту сторону. Вытянула шею и нашла на дальней койке мирно спящего другого мальчишку.

«Позор! Даже не знаю, как его зовут».

Как будто почувствовав на себе ее взгляд, юноша открыл глаза и в упор посмотрел на нее. Мгновение они с любопытством рассматривали друг друга, а затем Джим первой отвела глаза. Вздрыгнула, когда рука Шельги Араи легла ей на плечо, привлекая к себе внимание.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо поинтересовалась она, при этом пробегая проворными руками с ног до головы по ее телу. Джим улыбалась, глядя в невидящие глаза, и безропотно терпела, пока закончится осмотр. Эта женщина нравилась ей. Изящные руки целительницы замерли на непослушных волосах Джим, пару раз с усилием пригладили их – бесполезно. Она расстроено вздохнула и стянула ее с табуретки, подталкивая к выходу и бесцеремонно выдворяя за дверь, попутно предложив отправиться восвояси.

Джим в нерешительности потопталась по коридору, раздумывая, стоит ли пойти в столовую одной или все же дождаться остальных. Мимо промчались родственники Алисии, подозрительно и зло поглядывая в ее сторону.

«Ну и ладно. Что-то я правда задержалась здесь».

Еще раз задумчиво посмотрела на закрытую дверь, нахмурилась, затем решительно направилась обедать в гордом одиночестве.

В столовой было многолюдно и шумно. Джим пробралась сквозь толпу старшеклассников, яро спорящих о чем-то прямо возле раздаточных столов, взяла поднос и заняла очередь, приготовившись к долгому ожиданию. Спорщики перешли на повышенные тона – назревала драка. Джим вытянула шею и с интересом наблюдала, как решают свои проблемы будущие выпускники Академии.

«Интересно, что они не поделили?»

Где-то впереди очереди зашумели и загалдели, а через какое-то время оттуда вышел тот самый парень, что днем помог ей добраться на урок естествознания. Он подошел, вклинился в самую гущу спорящих, что-то очень тихо сказал, а потом они все вместе покинули столовую. Краем глаза она видела, как за ними вышло еще человек двадцать, но ей уже было неинтересно, она ответственно выбирала горячее из первых и вторых блюд из разнообразного меню, щедро предоставленного Академией.

Затем она протолкнулась в зал сквозь толпу и поискала пустой столик. Как обычно, это оказался столик на возвышении возле огромного окна поодаль от всех остальных. Решительно направилась к нему. Сгрузила все с подноса и уселась, игнорируя направленные в ее сторону удивленные взгляды.

«Не помешало бы узнать, почему этот стол всегда пустует».

Вожделенно поглядывая на содержимое в тарелке, размешала аппетитный густой бульон и подхватила в ложку кусочек мяса. Попробовала на вкус и зажмурилась от удовольствия.

Слева кто-то занял соседний стул. Джим чуть не подавилась, настолько это было неожиданно: за этим столом она всегда сидела одна. С усилием проглотила огромный кусок нежеванного мяса. Протянула руку, схватила стакан с соком и обильно запила. Любопытство посмотреть на нежданного соседа заставило ее чуть ли не до боли скосить глаза влево. В этот момент справа на стул тоже кто-то тяжело опустился, задев ее при этом локтем. Она видела, как чьи-то руки слева и справа от нее по-хозяйски расставили перед собой еду, и незнакомцы приступили к обеду. Она подняла голову и посмотрела влево.

– Виттор, – сказал юноша, протягивая ей руку и прищуриваясь от солнечного света, падающего из огромного окна напротив.

– Джим. – Ни минуты не колеблясь, она пожала протянутую руку и тут же посмотрела на соседа справа.

– Алиар Тведучи, – улыбнулся юноша и также протянул ей руку, – но друзьям можно называть Ли. Когда юноша представлялся, Виттор издал странный звук и наклонился вперед, чтобы разглядеть говорившего.

– Это те самые Тведучи, которые одни из семи хранителей печати, или же я что-то путаю?

Ли наклонился вперед, пристально вглядываясь Виттору в лицо. Какое-то время молчал, потом тихо сказал:

– Те самые, но я бы не хотел особо об этом здесь распространяться.

Виттор кивнул и, сосредоточенно уставившись к себе в тарелку, что-то подцепил вилкой и отправил в рот. А Джим отметила себе на будущее еще один пункт: в ближайшее время обязательно выяснить, что значит это их «те самые... одни из семи хранителей печати».

Джим робко подняла глаза. Половина зала сосредоточенно рассматривала их троицу. Заинтересованно огляделась и вдруг натолкнулась на взгляд Алисии и снова подавилась. Виттор от души хлопнул ее по спине, заставляя чуть ли не распластаться по столу, Ли протянул ей под нос свой сок, при этом оба проделали это машинально, не отрываясь ни на мгновение от своих тарелок и не отвлекаясь от поглощения пищи. Джим осуждающе посмотрела на Виттора,

благодарно приняла сок из рук Ли и снова нашла взглядом девушку.

Алисия не отвела взгляда и, как ни странно, даже не покраснела в этот раз. Рядом с ней, как обычно, находилась куча ее родственников, они одни занимали огромный стол в зале, а в данный момент семейство дружно наставляло на путь истинный заблудшую ее душу. Джим понятия не имела, зачем она это сделала, но она вдруг искренне улыбнулась ей, сочувственно качая головой. Алисия как будто этого и ждала: тут же поднялась со своего места и с полным подносом направилась к их столу, повергая своим поступком в очередной шок своих родственников и всех присутствующих в зале.

Ли что-то проворчал под нос, Виттор обошелся без комментариев, но все же оторвал взгляд от созерцания тарелки, а Джим сидела с открытым ртом, так и не донеся стакан с соком по назначению, не в силах отвести взгляда от приближающейся к ним девушки.

Она опустилась на стул напротив Джим, аккуратно расставила перед собой тарелки, подняла глаза и просто сказала:

– Алисия. Можно Лис.

Джим залпом выпила второй стакан сока и шумно поставила его на стол. Каждый в ответ поочередно представился, и они в полном молчании продолжили дальше свою трапезу.

8

Когда совсем уже не ждешь (кого-то или чего-то), приходит обязательно

Учебные будни, похожие друг на друга своим однообразием как две капли воды, летели стремительно и незаметно. Одна радость: с ней теперь всегда были друзья. Немногословные, ненавязчивые, почти незаметные, но они всегда были рядом. Никто из них не настаивал на своем обществе, но теперь, выходя в общий холл, Джим всегда знала, что непременно найдет там кого-то одного из них (а иногда и всех сразу), терпеливо ожидающего ее, и они вместе пойдут сначала в

столовую, а потом на урок.

Вот и сейчас ее уже ждали. Виттор подпирал колонну, а Ли что-то рассказывал ему, жестикулируя и в нетерпении поглядывая в сторону коридора, откуда обычно появлялась Алисия со своими братьями. Джим невольно усмехнулась. Мальчишки, что с них взять? Направилась в их сторону, и тут же из коридора к ним вышла Алисия. Поздоровались, молча побрели в столовую.

В столовой сегодня было как никогда многолюдно. Ароматно пахло свежей сдобой и выпечкой. Алисия шумно сглотнула, привлекая к себе внимание, покраснела от смущения и потупила взгляд. Вся их четверка пристроилась в конец очереди, при этом Лиса, как всегда, стояла первой, за ней Джим, следом Ли и Виттор, процессию неизменно завершал кто-то из родственников Алисии. Сегодня они так вообще были полным составом.

Джим расплылась в улыбке, увидев, как Лиса бережно уложила на свой поднос дюжину горячих булочек и поставила несколько стаканов напитка, осторожно посмотрела в сторону Джим, встретилась с ней взглядом, покраснела и быстро направилась к столу. Джим завистливо проследила за девушкой: сегодня у нее самой намечался трудный день, и переусердствовать в завтраке было никак нельзя, поэтому она взяла ровно половину того, что только что утащила Лиса на своем подносе. Расселись за столом. В полном молчании принялись за еду.

Каждый день они узнавали что-то новое друг о друге.

Оказалось, Виттор – самый настоящий оборотень, рожденный в семье потомственных метаморфов, и сейчас на его обращение (на его зверя, как он сам говорил) наложены щиты ограничения сильнейшими магами его клана, так как в столь юном возрасте любые изменения нестабильны и неуправляемы.

В семье он самый младший ребенок, и у него два старших брата. Самый старший уже пять лет находился на военной службе у великого альянса, добровольно неся военную повинность в вольнонаемных отрядах «Зеленых патрулей», которые испокон веков стояли на страже дальних рубежей стены далеко на севере, и именно там заканчивались земли Светлой империи. Дальше – лишь пустота. Что же такое альянс? Это союз, который много веков тому назад объединил в себе все расы мира Элентар, во главе которого встала «Семерка Предвечных», тех самых, что были до начала времен.

Другой же брат, Харон, учился последний год в Академии и являлся одним из представителей скандально известной четверки выпускников. Два брата, младший и старший, были удивительно похожи. Оба невысокого роста, широкоплечие, приземистые, крепкого телосложения, с длинными волосами цвета меди, уложенными в немыслимом плетении, с глазами цвета меда и со смешными веснушками на носу. Они притягивали всеобщее внимание, даже характером напоминая друг друга: уравновешенные, размеренные в своих словах и поступках. Спокойные и молчаливые братья вызывали уважение у окружающих. Джим также узнала, что их род всегда славился мастерами непревзойденного владения мечом (или клинком) и боевых искусств.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цигуля – вид низшей нежити; среда обитания подземелья и катакомбы; питаются обычно мертвой плотью, но не прочь полакомиться живой; на поверхность не выходят, не переносят дневной свет; почти слепы, но обладают превосходным обонянием, имеют удлиненное деформированное тело, где позвоночник плавно переходит в хвост, на конце которого находится костяной шип.

2

Реверсивный – удар с применением реверса, то есть возврата бьющей руки по траектории удара.

З

Дарг – огромное вьючное животное.

Купить: https://tellnovel.com/levanova_marina/davnym-davno

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)